www.kitabxana.net
Milli Virtual-Elektron Kitabxana N 2

Мир Джалал Пашаев

"НАДПИСЬ НА СЕРДЦЕ"

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

www.kitabxana.net
Milli Virtual-Elektron Kitabxana

Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai
Birliyinin rəqəmsal nəşrlər seriyası N 2

Мир Джалал Пашаев

“НАДПИСЬ НА СЕРДЦЕ”

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

БАКУ - 2020

YYSİB – kitabxana.net

Bakı-2020

**www.kitabxana.net və YYSİB-nin
müştərək nəşri N 2**

Tərtibçi və redaktor, layihə rəhbəri:
Aydın Xan Əbilov,
Prezident təqaüdçüsü, yazıçı-kulturoloq, YYSİB sədri

Elmi redaktor: **Azər Turan,**
filologiya üzrə fəlsəfə doktoru

Bu elektron nəşr Azərbaycan Respublikasının Gənclər Fondunun maliyyə yardımı ilə Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi tərəfindən həyata keçirilən "Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" layihəsi çərçivəsində hazırlanmışdır.

Составитель и редактор, руководитель проекта:

Айдын Хан Абилов,
Стипендиат Президента, писатель-культуролог, председатель ООН-ПДИ

Научный редактор:
Азер Туран,
Доктор философских наук

Данное электронное издание подготовлено в рамках проекта «Книга, которая объединяет нас новаторски и творчески: «Манифест молодежи» Мир Джалала Пашаева», реализуемого Общественная Организация Новых Писателей и Деятелей Искусства при финансовой поддержке Молодежного фонда Азербайджанской Республики.

© Yeni Yazarlar və Sənətçilər
İctimai Birliyi, 2020

www.kitabxana.net və YYSİB-nin
müştərək nəşri N 2

Составитель и автор предисловия:

АГИЛЬ ГАДЖИЕВ

Профессор

МИР ДЖАЛАЛ ПАШАЕВ. “НАДПИСЬ НА СЕРДЦЕ”. ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Включенные в книгу лирические миниатюры видного азербайджанского писателя двадцатого века профессора Мир Джалала (1908-1978) представляют несомненный интерес для выяснения исторических корней и современного автору периода жизни азербайджанского народа.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир Джалал Али оглу Пашаев (1908-1978) родился в селе Андебир близ центра Южного Азербайджана - города Тавриз в крестьянской семье. Детские годы будущего классика протекали в Гяндже, куда перебралась его семья. В 1923-1928-ом годах Мир Джалал обучался в Гянджинском педагогическом техникуме, по окончанию которого преподавал и директорствовал в школах Гянджи и Кедабека. Литературный дебют его датируется 1828 годом. Он становится членом гянджинского филиала литературного общества «Qızıl qələmlər» («Красные перья»), публикует свои произведения на страницах одноимённых журнала и газеты, а также альманаха «İlk addımlar» («Первые шаги»). Особый читательский успех выпал на долю рассказа Мир Джалала «Мирза», увидевшего свет в одном из номеров газеты «Qızıl Gəncə» («Красная Гянджа») за 1930-ый год.

Стремясь повысить свой образовательный уровень, Мир Джалал в 1930-ом году поступает на факультет языка и литературы Казанского восточ-

ного педагогического института, где проучился два года. По возвращению в Азербайджан, в Баку, он в 1931-1933-ом годах обучается в аспирантуре при Азербайджанском педагогическом институте, по окончанию которой приступает к преподавательской деятельности на кафедрах республиканских высших учебных заведений. Преподавательскую деятельность он успешно сочетает с научно-исследовательской и в Азербайджанском филиале Академии наук Советского Союза работает над кандидатской диссертацией на тему: «Особенности поэтики Мухаммеда Физули». Это был фактически первый монументальный научный труд о творчестве великого азербайджанского поэта ХУ1 столетия, открывший широкую дорогу для последующего изучения его богатого литературного наследия. Диссертация эта была успешно защищена на заседании Ученого Совета Азербайджанского Государственного Университета в 1940-ом году, присудившем соискателю искомую учёную степень кандидата филологических наук.

Этот приход в науку вовсе не означал отхода от литературного творчества. Мир Джалал – это единственный представитель азербайджанской литературы двадцатого столетия, удачно совместивший писательский труд с научной и преподавательской деятельностью. Нам представляется, что именно поэтому его произведения выгодно

отличаются глубиной проблематики, монолитностью сюжета, насыщенностью языка, чёткостью образной системы, композиционной стройностью.

Симптоматично поэтому, что ещё в период обучения в аспирантуре, в 1932 году, Мир Джалал выпускает первый сборник своих рассказов и очерков «Sağlam yollarda» («На здоровых путях»), привлекший внимание читателей. И в последующие годы, параллельно с педагогической деятельностью на университетской кафедре, он один за другим публикует небольшие по объему, но глубокие по содержанию рассказы, привлекшие внимание как

читателей, так и представителей нарождающейся азербайджанской советской литературной критики тонким сочетание юмора и сатиры. Скупая на похвалы азербайджанская литературная критика середины 1930-ых годов сразу провозгласила Мир Джалала достойным продолжателем богатых литературных традиций видных представителей национальной прозы Джалила Мамедкулизаде и Абдуррагимбека Ахвердиева. Уже в это время его называют большим мастером малой прозы. Вместе с тем писателя начинают сковывать узкие рамки малых эпических жанров, рассказа и очерка, и с середины 1930-х годов Мир Джалал приступает к созданию одного из первых в национальной литературе широкого эпического

полотна, романа «Воскресший человек» (1935). Этапное в истории азербайджанской прозы, произведение это посвящено отображению исторических событий одного из самых сложных периодов истории азербайджанского народа – времени обретения азербайджанским народом независимости, времени установления первой демократической республики на Востоке – Азербайджанской Демократической Республики. Вслед за этим произведением Мир Джалал один за другим издаёт такие романы и повести, как «Манифест молодого человека» (1939), «Открытая книга» (1941), «Мои ровесники» (1947), «Новый город» (1952). Мы сознательно не указываем жанровую принадлежность каждого из названных писателей, поскольку проза Мир Джалала столь необычна и оригинальна, что трудно

определить где роман, а где повесть. Не случаен поэтому тот факт, что разные литературоведы по-разному трактуют жанровую принадлежность названных произведений. Так, одни исследователи считают «Манифест молодого человека» романом, другие – повестью. То же самое можно сказать о произведении «Мои ровесники». Это происходит потому, что проза Мир Джалала необыкновенно богата, но в то же время удивительно лаконична.

Ясно, что написание вышеназванных романов отнимало немало времени, но несмотря на это Мир

Джалал ни на минуту не оставлял ни педагогическую, ни научную деятельность. Он приступает к работе на кафедре истории азербайджанской литературы Азербайджанского (ныне Бакинского) Государственного Университета, где проработал до конца жизни и которой заведовал с 1961 года, одновременно работая над докторской диссертацией. В 1947 году на заседании Учёного совета Азербайджанского Государственного Университета им была успешно защищена докторская диссертация на тему: «Литературные школы в азербайджанской литературе XX века».

Характерно, что роман Мир Джалала «Куда ведут дороги», написанный в 1957 году, освещает деятельность одной из национальных литературных школ – молланасреддиновской. Это лишний раз свидетельствует о том, какого успеха может добиться писатель, совмещающий творчество с научной деятельностью. Нет сомнения, что работа над докторской диссертацией и подсказала писателю тему и идею этого романа.

Проза Мир Джалала – это важный этап в развитии азербайджанской литературы двадцатого столетия. Она интересна не только как творение яркого и самобытного писателя, но и как реалистическое отображение того сложного пути, через который азербайджанский народ пришёл к сегодняшней независимости.

Агиль Гаджиев,

доктор филологических наук,
профессор

Мир Джалал Пашаев

“НАДПИСЬ НА СЕРДЦЕ”

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

www.kitabxana.net və YYSİB-nin
müştərək nəşri N 2

Сирота

В наш город в годы войны пришел с Запада эшелон с беспризорными детьми, а точнее - с сиротами.

Комендант дома, вдова фронтовика, тоже обремененная сиротами, попросила меня:

- Муэллим, приютите на недельку, пока детский дом не отремонтировали, мальчика. Родители его погибли от вражеской бомбы.

Разумеется, я согласился.

И вечером к нам привели большеглазого, тоненького, как струна, мальчика лет шести. Он все время ежился, словно ему было холодно.

Я взял его за руку и пове,л к столу. Жили мы, конечно, в ту пору скудно, но ухитрились приготовить нашему маленькому гостю лакомые яства: чем богаты, тем и рады... Жена, мои детишки настойчиво потчевали мальчика.

- Не стесняйся, милый, - уговаривал я. - Пообедаешь, пойдешь гулять.

Мальчик сосредоточенно смотрел в тарелку и не шелохнулся.

Я сделал знак, и жена увела детей из комнаты.

В горле мальчика клубился комочек, он сидел неподвижно, не поднимая глаз.

Маленький гость напоминал необыкновенную, полную тоски, горя, книгу, к которой боязно прикоснуться, но которую я обязан прочитать до последней строки.

- Кушай, кушай, все уже прошло, - сказал я. Как я ошибался! Ничего не прошло...

- Дядя, можно мне сначала поплакать, - с усилием сказал мальчик.

Стон душил меня, но я сдержался, неслыханным напряжением воли заставил себя ответить твердо:

- Можно.

Жена, дети, я забились на кухню, а в столовой плакал мальчик, плакал беззвучно, словно уткнувшись лицом в подушку своей детской кроватки, содрогаясь худеньким телом.

В этот день я понял, что такое война.

Чудо

В чудеса я не верю, хотя и признаю, что они случаются, хотя и крайне редко.

По нашей улице в тот год еще проходил трамвай,- теперь рельсы сняли и пустили троллейбус... На повороте, где дома, построенные в прошлом веке, как бы сдвигались, образуя узкую расщелину, вожатый непрерывно звонил, и все-таки то и дело происходили аварии.

Весенним ясным полднем мы, преподаватели университета, после лекций вышли из здания и,

благодушно нежась на солнцепеке, беседуя о разных разностях, остановились у подъезда, чтоб через минуту попрощаться и отправиться по домам.

Трамвай тянул скрипичную, пронзительно высокую ноту, но мы привыкли к его трезвону и чувствовали себя великолепно. Небо было густо-синим, кое-где лиловым, на деревьях пробивались почки, прохожие, скинув шубы и ватные пальто, сказочно помолодели, шагали быстро, ловко.

Вдруг пронеслись сполохом крики;

- Уй!.. Вай!.. О-о-о!..

Милиционер, нахлобучив покрепче фуражку, побежал к перекрестку.

Мы переглянулись и тоже пошли туда; нам было, естественно, неудобно, но совладать с собою мы не смогли.

Держась рукой за сердце, навстречу шла рыхлая тетушка; круглое лицо ее было залито слезами.

- Ужас, ужас! - говорила она самой себе.

- Да что там случилось?

- Мальчишка попал под трамвай, - тетушка всхлипнула, но тотчас рассмеялась.

- Собственно, а почему вы смеетесь? - удивился я, сурово подумав: "Какая бесчеловечность..."

- Как же мне не радоваться, сынок, - тетушка всплеснула руками, - если этот постреленок отделался царапинами!.. А ведь я своими глазами ви-

дела, как его затянуло под вагон. Чудо, настоящее чудо!

Мы еще раз переглянулись и почувствовали, что тоже улыбаемся.

- Жив?

- Целехонек! Пустяковые ссадины! - с восторгом воскликнула тетушка.

Из переулка повалила толпа, в центре шагал вихрастый мальчишка с быстро бегающими глазами; конечно, он перепугался, но постепенно оттаивал.

- Милочка, - умилилась тетушка, но тут же свирепо выпалила: - Был бы ты моим внуком, я б тебя ремнем...

Прохожие совали мальчику конфетки, гладили по голове, по плечам, целовали, голубили... Все до того обрадовались, что даже не спросили, как его зовут, кто родители, где живет. Это был наш общий ребенок: и мой, и милиционера, и тетушки, и всех-всех без исключения людей на земле.

Придя домой, я сказал с улыбкой жене:

- Представь, только что этот проклятый трамвай...

Кстати, на этом "проклятом" трамвае я ездил каждый день в университет и обратно.

- Этот проклятый трамвай сбил мальчишку, и сорванец остался живым-невредимым. Чудо, великое чудо!

Жена просияла и крепко поцеловала меня.

О, какое б это было счастье, если бы мы всегда с такой любовью относились друг к другу!

Руки

Гора с горой не сходится, а человек с человеком обязательно встретятся.

Испокон веков повелось: при встрече мы здороваемся за руку. Рукопожатие выражает и дружбу, и уважение, и верность...

Недавно я встретил своего школьного приятеля, - расстался я с ним лет тридцать назад. Издалека я следил с гордостью за его делами: он был инженером-строителем, как утверждали, талантливым, и кочевал по стране, возводил заводы, фабрики, мосты, а при случае - и целые города.

И вот мы встретились, протянули друг другу руки, обнялись и еще раз обменялись рукопожатиями.

Седой, отяжелел, движения медленные, затрудненные, в голосе слышится усталая хрипота.

А я-то помолодел, что ли?..

Я взял его руку и заглянул в нее, как в летопись жизни.

В школьные годы рука была нежная, до того белая, что казалась голубою.

А сейчас ладонь была темная, изрезанная глубокими ветвистыми морщинами, и я прочел эти линии, эти роковые следы времени, как карту моей родины с ее полноводными реками, через которые мой друг перекидывал радуги мостов, на берегах

которых строил города, где так счастливо, так уютно живут теперь люди.

Благословенны мозолистые руки труженика!

Народный судья строго покашлял и спросил Мурсала:

- Почему вы возбудили дело о разводе?

- Характерами не сошлись.

- Вот те на! - Судья иронически хмыкнул. - Восемь лет сходились, а теперь не сошлись.

- Да, теперь не сошлись.

- Может, помиритесь?

- Скорее живым в могилу лягу. Ни-ког-да! - отчеканил Мурсал, побледнев.

Повертев карандаш в руке, судья обратился к На-зие:

- Свить семейное гнездо трудно, а разорить - легко. Может, помиритесь? Всякое ведь случается...

Назия вскинула голову.

- И не уговаривайте, уважаемый судья, а немедленно разводите! Никаких претензий к этому человеку не имею.

Судья с беспомощным видом развел руками. "Этот человек" покосился на Назию и буркнул в усы:

- Ни-ког-да!

Назия с достоинством подтвердила:

- Претензий не имею, прокормлю, выращу сына одна.

Судья вполголоса посоветовался с народными заседателями и сказал секретарю:

- Пригласите мальчика.

Через минуту в зал вошел семилетний кудрявый мальчик. Немногочисленные зрители, главным образом пенсионеры и пенсионерки, тотчас жалостно зашептались:

- Ангелок!

- И-и-и, несчастный!

Судья искрометным взглядом из-под бровей призвал их к молчанию и мягко спросил:

- Как тебя зовут, сынок?

- Тофик.

- В школу ходишь, Тофик?

- Осенью пойду, а пока хожу в детский сад.

- Та-ак, - протянул судья, передернул плечами. - Тофик, твой папа будет теперь жить отдельно... в другой квартире! Ты с мамой хочешь остаться или переедешь к папе?

Не раздумывая, мальчик сказал:

- Если папе дали на промысле квартиру, так мы втроем в нее и переедем!

В публике послышались смешки. Судья постучал карандашом по столу.

- Нет, Тофик, папа уедет... в Башкирию.

- И мы поедем в Башкирию. Рафка из двадцать шестой квартиры уже уехал с папой и мамой в Башкирию.

Судья завертел шеей, словно воротник рубашки вдруг стал тугим.

- Да нет, Тофик, ты подумай... Папа решил разлучить тебя с мамой.

- Я останусь с мамой, - быстро сказал мальчик.

- Но мама тоже хочет разлучить тебя с папой.

- Я останусь с папой.

- Слышите? - с укоризной спросил судья глядящих в разные стороны Мурсала и Назию. - Постыдились бы этой большой любви маленького сердечка.

Неожиданно Тофик сказал:

- Дядя судья, можно мне с мамой и папой идти домой?

- М-мм... можно!

Учтиво поклонившись, как учили в детсаде, Тофик сказал "спасибо", взял отца и мать, все еще упорно не смотрящих друг на друга, за руки и повел их к выходу.

- Молодец Тофик!.. Умница! - раздались одобрительные возгласы в публике.

- Поручаю вам, неразумные, Тофика, а вас, неразумных, но верю - раскаявшихся, Тофику, - сказал судья, вставая. - Благословляю!

Вероятно, Назия и Мурсал это напутствие уже не услышали или постарались не услышать. Дверь захлопнулась.

- Перерыв, - объявил судья.

Если юристы найдут в этой зарисовке погрешности против процессуального кодекса, то прошу взять на заметку, что я в суде не был, а рассказала мне эту историю тетушка Сакинэ, продавщица папиросного киоска.

Новоселье

- Как же это так счастливо получилось?

- И не захирела?

- А не вы ли твердили, что ей вреден бакинский климат?

Оправдываться не стану: я тоже был маловером и веско заявлял в горсовете, что в Баку она не выживет, а вот в Гяндже, Гейчае, Самарканде, Ташкенте ей приволье. В те годы я был депутатом горсовета и, естественно, нес ответственность за ее приезд.

Надо отдать справедливость председателю горсовета: мы всегда знали, что он упрямец, но на этот раз он переупрямил всех нас: и жену, тещу, и самого себя.

- Мы окружим ее заботой!

- Э, товарищ председатель, ты обязан относиться ко всем с заботой. Должность такая!

- Мы будем любить и холить ее.

- Но расходы, какие расходы! - ужасался представитель горфинотдела.

И все-таки председатель настоял на своем, - честь ему и хвала...

Красавицу чинару привезли из Гянджи.

Место ей облюбовали дивное: на Приморском бульваре.

- По Мичурину, вот что главное - по Мичурину, - наставительно говорил нам председатель с

таким горделивым видом, словно Мичурин всю жизнь работал у него городским садоводом.

Было это осенью, и, конечно, я пока не беспокоился за судьбу переселенки. Да, моя природная осторожность мешала мне называть ее бакинкой. Время от времени я навещал ее, озябшую, дремлющую..,

Зимние крепчайшие штормы согнули ее, но не надломили. И грянул весенний ливень, - вот уж она напилась всласть! Вдруг за одну ночь она расцвела, так и брызнула клейкими лепестками. Я пришел утром и остолбенел в восхищении: жгуче-зеленым шатром стояла красавица. Прохожие тоже останавливались и любовались ее светлым ликом под зеленой прозрачной чадрою.

- Вот Мичурин так Мичурин! - цокал языком председатель в посрамление скептиков.

Но ведь впереди еще было лето...

Я, коренной бакинец, знал эти удушливые безветренные дни и жаркие ночи, когда земля спекалась камнем, змеилась трещинами, когда в воздухе висела ржавая, пыльная, колющая горло, воспаляющая глаза кисея, когда иссякали водопроводы и воду дозировали, как драгоценный жизнетворящий эликсир.

Бедняжка! Безжалостное солнце пыталось испепелить ее, испаряло кровь ее, сушило листья, и к

вечеру они темнели, тяжелели, не шелестели, словно вырезанные из кровельного железа.

Председатель гремел набатом, созывая горожан на помощь. Водопроводной линии там еще не было, и мы таскали воду ведрами, а изнемогавшие от жажды корни чинары глотали влагу ненасытно, алчно, и зачастую меня злость брала: "Ужели не напилась?", но через минуту я корил себя: ведь чинара к нам не напросилась, мы ее самовольно привезли из того края, где ей все было по душе: и земля нежная, как пух, и климат ласковый, как взгляд ребенка, и самотечные неиссякаемые арыки, несущие с гор сладчайший, как шербет, нектар..

А как ни говори, здесь - чужбина.

Поздней осенью я с облегчением перевел дыханье и первым поздравил нашего председателя: красавица уцелела, выжила, и ее пора было прописать в городе на постоянное жительство.

Молодые бакинцы, вероятно, и не подозревают, что были десятилетия, когда в городе не встречалось ни единой зеленошумной красотки. Молодые, пожалуй, эгоистично считают, что с сотворения мира красят наши бульвары и парки грациозные и величавые чинары.

Потому и решил я поведать эту историю.

В назидание?

Решайте сами.

Объективная причина

Асад жаловался на бессонницу, на расстроенные нервы, и врач посоветовал:

- Хватит вас пичкать пилюлями, каждый вечер гуляйте часика два по бульвару. Морской воздух мигом исцелит, - идеальное средство.

Асаду лень тащиться к морю, - куда приятнее после плотного обеда завалиться поспать или с соседями в тенистом уголке двора сражаться в нарды.

Опрометчиво он сказал жене о совете врача и был справедливо наказан, - не распускай языка!.. Жена его так пилила, что Асад плюнул, взял трость и с воинственным видом зашагал к Девичьей башне.

Едва он вступил в сквер, втянул глубоко-глубоко прохладный остро пахнущий солью и йодом морской воздух и почувствовал, что уже начинает выздоравливать, как бес подтолкнул его под локоть, и взгляд Асада упал на сидевшего на скамейке Шамхала.

- А-а-а, лечиться пришел, дышать целебным воздухом, - язвительно протянул Асад. - Ты поменьше кляузничай, перестань строчить доносы, и сразу полегчает!

- От такого слышу, - невозмутимо отбил удар клинка Шамхал.

Асад скрестил на груди руки, выкатил колесом грудь.

- От какого это такого?

- От кляузника и доносчика.

- Бый! - рявкнул Асад.

В этот вечер он еле-еле доплелся до дому, повалился на кровать, дышал тяжело - ребра так и ходили.

- Отец, да не надышался ли ты мазута?- застонала жена.

- А кто меня погнал к морю?- злорадно напомнил Асад. - О-о-о, дочь своей языкастой маменьки! Видишь ты, воздух пользительный, эликсир молодости... Да там продохнуть невозможно.

Жена с раскаянием зарыдала:

- Никогда я тебя туда не пущу. Ох эти врачи!.. С тех пор ни Асада, ни Шамхала у моря не видно. Асад остерегается встречи с Шамхалом, Шамхал боится наткнуться на Асада. Оба в один голос запальчиво утверждают, что морской воздух за последние годы безнадежно испортился и прогулки на берегу- самое верное средство расшатать себе нервную систему.

Сказка

Пахарь шел за плугом, отваливая ровную строчку блестящего, как антрацит, чернозема, а в это время Судьба, Разум и Труд заспорили, кто из них важнее.

Судьба самонадеянно заявила:

- Без меня этот человек погибнет. Все его жизненные блага - мои щедрые дары.

Разум обиделся:

- Ах, так, ну и оставайся с ним, а мы посидим в сторонке да посмотрим, как ты его облагодетельствуешь!

- Я тоже уйду, - сказал Труд.

Судьба незримо подошла и взяла волов под уздцы, повернула их вправо. Плуг со скрипом вспорол почву и вывернул позеленевший кувшин.

- А, черт тебя задери, - заныл пахарь, - чуть лемех не сломал. И откуда взялась эта гадость? Сколько лет пахал вдоль-поперек это поле, и ни разу не случалось такой оказии.

Он швырнул кувшин к дороге, и из горлышка посыпались червонцы, светлые, словно блики солнца. В этот момент на дороге появился всадник.

- Эй, любезный, сюда, сюда! - крикнул пахарь, а когда всадник приблизился, спросил с тревогой: - Скажи, сынок, есть ли между моими волами родство, а если есть, то кем приходится серый вол полосатому? "Рехнулся!" - подумал всадник, но, не желая злить умалишенного, сказал мягко:

- Дядюшка, волы-то твои, тебе и знать их степень родства! Да и вообще, какое это имеет значение? - Взгляд наездника упал на валявшиеся в пыли червонцы. - Всевышний! Откуда это сокровище?

- Оттуда же, откуда все берется: из матушки-земли,- сердито сказал пахарь. - Чуть плуг не сломал... Если тебе, сынок, нравятся эти игрушки, возьми.

Птицей порхнул всадник с седла, порывисто собрал червонцы в суму, приторочил ее покрепче, опять вспрыгнул на коня и, непрерывно оглядываясь, пустил скакуна во всю прыть, - плеть так и свистела...

"Э, без меня он погибнет", - спохватился Разум и подошел к пахарю.

Встряхнувшись, словно задремал, крестьянин протер кулаком глаза, посмотрел на своих волов, на клубившуюся на дороге серо-рыжую пыль.

- Бывают же глупые люди на божьем свете, - усмехнулся он. - Если серый - молодой и низкорослый, то каждому ясно, что приходится он полосатому волу племянником. Ха! - И, потянувшись, сказал себе: - Да и я хорош, - такой зной, самое пекло, а я маюсь за плугом... Куда умнее полежать в холодке.

И он постелил архалук в тени придорожных кустов, вытянулся и тотчас захрапел, да так могу-

че, что трава вокруг зашелестела. Солнце царапало диском горизонт, а умный пахарь блаженствовал.

"Нет, он так без меня пропадет", - спохватился Труд и решительно встряхнул его.

Вскочив, крестьянин схватился за голову:

- Аллах, день прошел, а у меня делянка не пахана!.. Ишь умник выискался - дармоедничать. А если бы волки налетели, волов сожрали? Ух!

И направил плуг в борозду. Разум и Труд ровным шагом пошли с ним.

НАДПИСЬ НА СЕРДЦЕ

Демобилизовавшись в сорок шестом из строительного батальона, я остался на Северном Кавказе. Строители в то время были в почете... Мы восстанавливали большой железнодорожный мост. Трест был гражданский, но почти все рабочие были бывшими саперами, а инженеры - офицерами, и мы установили совершенно добровольно воинскую дисциплину: каждый бывалый солдат знает, что чем строже дисциплина- тем лучше дело ладится.

Пайки были высокие, а ведь в послевоенную суровую пору люди работали не за деньги, а за пайки. И когда я получил отдельную комнату в бараке, то послал жене телеграмму: выезжай. Война разлучила нас на четыре года. Война отняла у нас первенца: бедняжка умер от сыпного тифа. Но меня война пощадила, и пора было вить семейное гнездо... Вероятно, в этом-то и заключено величие вечно обновляющейся жизни.

Как-то осенним вечером я на грузовике отвез жену в родильный дом. Ну, сами понимаете, мужчине в такие дни и часы и зябко, и жарко, и весело, и тоскливо, как солдату перед атакой. Однако ничего уже изменить нельзя, - приходится ждать...

Утром я сбегал на базар и накупил фруктов. Пожалуй, за деньги здесь и можно было тогда достать лишь яблоки и груши, кстати, сладчайшего вкуса... На обратном пути с Зергер-базара меня ос-

тановила пожилая, закутанная теплой шалью женщина, заговорила сперва по-армянски, потом по-русски, предложила купить подстаканник.

- А сколько просишь, тетушка?

- Триста.

Цена была умеренная, я вытащил деньги, не торгуясь.

Опытные люди осматривают вещи до покупки, а такие верхогляды, как я, после покупки.

Женщина скрылась в толпе, а я все вертел в руке подстаканник.

Он был посеребренный, изящный, на выпуклой стенке чеканкой изображено сердце. Приглядевшись, я прочел мельчайшие буквы: "Сусен от отца. 1930".

В бараке меня ждала счастливая весть: только что по телефону позвонили - дочка родилась.

Сломя голову я полетел в родильный дом. К моему возмущению, дежурная медсестра фрукты не приняла: преждевременно. Я положил записку в подстаканник, подал. Этот подарок сестрою был одобрен.

Через несколько минут нянечка принесла мне ответ:

"Сусен здорова, благодарит отца, но почему тридцатый год, если сейчас ноябрь сорок шестого? Не злоупотребляешь ли ты спиртными напитками? Ой-ой!.. Целую, твоя..."

Значит, дочку назвали Сусен? Ну и слава всевышнему: имя красивое, нежное, певучее. Расти красивой, разумной, моя Сусен!

А спиртными напитками я не злоупотреблял, клянусь, - от скуки вчера с соседом выпили бутылку самогона, так ведь от скуки...

Вернулся домой, прибрал в комнате; начальник мне дал отгул, - значит, делать абсолютно нечего... Жена с Сусен еще когда вернется! Сосед постучал в дверь, предложил повторить, но я превозмог соблазн.

И вдруг меня осенило, так, что на койке подбросило: значит, в тридцатом году родилась девочка Сусен, и отец, такой же поглупевший от счастья, как я, такой же неприступно эгоистичный, как я, преподнес ей подстаканник с выгравированным сердцем.

Это был дар его сердца, преисполненного любовью и восторгом.

Кто он? Кто эта женщина в шали - мать Сусен?

С такими заветными подарками расстаются лишь в случае крайней, беспримерной нужды.

Стыд обжег меня полымем; торопливо одевшись, я выбежал на улицу, наивно успокаивая себя, что сейчас же встречу женщину, закутанную толстой шалью. Дались мне эти триста рублей!..

Пусть у нее останутся, а подстаканник я верну, ей-ей верну.

Вероятно, отец не пришел с фронта, Сусен осиротела. Горька ты, сиротская доля!.. Последняя память счастливого довоенного детства перешла в .чужие руки - в мои.

А принесет ли радость моей Сусен этот подарок?

Вечно будет кровоточить сердце с надписью: "Сусен от отца. 1930".

Злая судьба подбросила мне этот символ отцовской любви и отцовского благословения.

Конечно, я до одури скитался по улицам, вглядываясь в лица всех встречных женщин: и в шалях, и в платках, и в косынках, и, вероятно, у меня был дикий вид, потому что женщины шарахались в сторону, взвизгивали:

- Не иначе как тронулся умом, бедняга!

- Неспроста так люди бегают!

- Горе пришибло, значит.

А меня действительно горе пришибло, я говорил себе: "Сусен, горемычная девочка, где ты сейчас?..", и мне казалось, что я ищу свою дочку.

"Сусен от отца. 1930".

На другой день дежурная медсестра приняла у меня фрукты, а жене я послал записку с просьбой вернуть подстаканник.

О злоупотреблении спиртными напитками в ответном письме не упоминалось, но, вероятно, жену встревожила моя просьба, однако подстаканник опять был в моих руках.

Я знал, что в каждом городе часовщики и чистильщики обуви - самые осведомленные из жителей: всё замечают и всё помнят.

Добежав до Зергер-базара, я вломился в первую же часовую мастерскую и, тяжело дыша, спросил:

- Могу я заказать точь-в-точь такой же подстаканник?

- Изящная вещица! - с одобрением заметил мастер, разглядывая подстаканник. - Спросите-ка в соседнем магазине старика Осипяна, - узнаю его руку.

Старик Осипян сдвинул на морщинистый лоб очки в массивной оправе, вздохнул, повертел подстаканник длинными сильными пальцами, еще раз вздохнул.

- Вы хотите, молодой человек, заказать копию?

- Да, но такую, какая не отличалась бы от оригинала.

- Это вполне возможно.

- Извините, это ваша работа?

- Конечно, это моя работа.

- Вы сделали подстаканник в тридцатом году?

Старик насмешливо усмехнулся:

- Если тут написано мною: тридцать, то, естественно, в тридцатом.

- А вы помните, кому вы сделали такой подарок? - беззастенчиво допытывался я.

- Если тут мною написано: "Сусен от отца", то, значит, отцу Сусен.

- Вы его знали?

Осипян с обидой выпрямился.

- Молодой человек, я живу в этом городке семьдесят три года, я знаю всех и живых и мертвых. Живые иногда сами напоминают о себе, но если я забуду мертвых, то кто же их вспомнит? Мне не знать учителя Ованеса! Хм!.. Ованес учил моих детей и моих внуков. Он мог бы уцепиться за "броню", но ушел на фронт добровольцем и... и не вернулся.

- А Сусен? - с замиранием сердца спросил я.

- Да что Сусен, - нехотя проворчал старик.- Учится в медицинском училище, а стипендия, сами понимаете... Мать погибла от бомбы. Нас ой-ой как бомбили...

Через несколько дней я отыскал тетку Сусен, ту самую, у которой купил подстаканник. Сперва она испугалась, что я потребую обратно деньги, которые, разумеется, уже улетучились, затем расплакалась.

- Да, да, товарищ, сиротинка моя кровная родилась именно в тридцатом, ей уже шестнадцать, шестнадцать, и такая красавица, такая умница, а бедняга Ованес... - Тут слезы хлынули неудержимым потоком, и она зарыдала во весь голос.

Я узнал, правда, не сразу, что учится Сусен в Ставрополе.

Оставив подстаканник и не заикнувшись о деньгах, что произвело на тетушку самое благоприятное впечатление, я отправил Сусен подробное, хотя, вероятно, и бессвязное письмо.

Жена с дочкой вернулись, мы отпраздновали с соседями появление маленькой Сусен в нашем бараке, но выпили умеренно, в полном ажуре, и постепенно эта история стала забываться, как забываются все или почти все истории, - я же не часовщик, а монтажник.

Кстати, жена безоговорочно одобрила мой поступок...

И вдруг в наш дом пришла посылка, а в ней все тот же подстаканник, но на сердце, преисполненном отцовской любовью, появились новые строчки, вырезанные семидесятитрехлетней властной рукою Осипяна:

"Сусен от Сусен. 1946.

Будь всегда доброй, девочка, - только доброта красит душу".

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ ДУШИ

www.kitabxana.net və YYSİB-nin
müştərək nəşri N 2

Башира, начальника строительной конторы, вызвали к прокурору.

Понятно, что Башир расстроился. "Хотел бы я узнать, кто подложил под меня эту мину? - мрачно размышлял он. - Не иначе, как Аббас-заде, давно предупреждали меня, что он метит на мое место!.."

Поклявшись при первом же случае накрепко расправиться с мерзопакостным доносчиком, Башир отправился домой, плотно пообедал с коньячком и развалился на тахте.

"Вот живешь-живешь, с малых лет ничего хорошего не видишь, а тут друзья-приятели еще под суд упекут..."

И верно, Баширу выдалось горькое детство: отец умер вскоре после появления первенца на белый свет, мать - гардеробщица районной больницы - зарабатывала столько, сколько и полагалось зарабатывать гардеробщице. Каждое утро она брала сына за руку и уводила в детский сад.

Конечно, Башир был сыт, обут, одет, но подарками его не баловали.

Однажды мальчик пришел из детсада и слонялся по комнате, не зная, чем бы заняться до ужина: игрушек у него не было, а читать Башир еще не научился.

Мать сидела на ковре, вытянув ноги, и штопала ему носки.

В это время хлопнула калитка, во дворе показалась тетя Гейбет.

Быстро вскочив, мать вытолкнула Башира на веранду, шепнув: "Скажи, что меня дома нету", и спряталась за портьерой.

Растерянный мальчик так и окаменел.

Тетя Гейбет подошла к крыльцу.

- Здравствуй, Башир! Мама дома?

Башир громко проглотил слюну и промолчал.

- Мама, спрашиваю, дома?

Бросив испуганный взгляд в комнату, где затаилась мать, мальчик пожал плечами.

- Да ты что, оглох? Тьфу! Или язык отсох? - вспылила тетя, круто повернулась и ушла: то ли догадалась, то ли торопилась домой.

Понурившись, мальчик вернулся в комнату. Как ни в чем не бывало мать сидела на ковре, с наслаждением вытянув усталые ноги.

- Мама, разве ты боишься тетушки Гейбет?

- Чего мне ее бояться! Вот еще новости! - Мать фыркнула.

- Мама...

- Ну чего тебе? - Голос матери прозвучал раздраженно.

- Мама, а нам в детсаде говорили, что врать грешно...

- Конечно, грешно! А я разве говорю, что не грешно? И если узнаю, что ты мне соврал, то ми-

гом схвачу ремень... - Смекнув, что запуталась, мать резко свернула в сторону: - Видишь ли, деточка, священное писание учит, что есть ложь во спасение души и что если правда греховна, то тебе лучше не знать правду... Я должна тете Гейбет двенадцать рублей, а до получки еще три дня. Застала б она меня дома, произошел бы скандал, а поссорившись, мы бы оскорбили друг друга и этим осквернили б свои души. А сейчас и я осталась чистой, и тетя Гейбет спаслась от греха.

Материнское поучение залегло Баширу глубоко в сердце.

Через несколько дней он улепетнул с мальчишками на реку и уронил там в омут перочинный ножик с перламутровой рукояткой, а выносить из дома ножик ему было запрещено бесповоротно.

Конечно, мать хватилась ножика, перерыла весь дом, приступила с допросом и ремнем к Баширу, но мальчик на этот раз проявил удивительное самообладание и твердил:

- Не брал.

- Поклянись.

- Клянусь бабушкой и дедушкой!

Баширу было страшно вымолвить клятву, но он вымолвил, и огненный луч не упал с неба и не испепелил его - грешника.

Вскоре он подрался с мальчишками, явился домой в разодранной рубахе, но, не дожидаясь материнских расспросов, храбро соврал:

- Гвоздь же в калитке торчит!

Мать поверила, плюнула, взяла молоток.

"Э, ложь во спасение - чудодейственное средство", - решил сообразительный мальчик и, как говорится, закусил удила, и в школе и в институте врал напропалую...

Жена неслышно подошла и мягких шлепанцах и накрыла задремавшего Башира ватным одеялом.

Утром начальника одолевали посетители, валом . валили, отталкивая от дверей секретаршу.

- Товарищ Башир, цемента ж нету.

- Цемент будет.

- Когда будет?

- Не беспокойся, мастер, не беспокойся, береги нервы, - нежным тенорком напевал Башир, глядя в упор жалостливыми глазами на взбешенного прораба. - Завтра подбросим цемент. Или ты мне не веришь?

- Конечно, не верю! - рявкнул прораб.

- Ай-ай-ай, как нехорошо, - с укоризной сказал Башир. - Если ты не веришь советскому человеку, то, значит, оскорбляешь его святая святых! - И при этих словах он положил руку на сердце.

Затрещал телефон.

- С вами будут говорить из Евлаха.

- Слушаю, - кротко сказал Башир и выразительным жестом показал прорабу на телефон: видишь, как меня рвут на части, хоть ты-то отвяжись.

- Товарищ Башир, - загремел в трубке могучий бас, - ведь ты же отрапортовал, что наша животноводческая ферма построена...

- Конечно, отрапортовал, а почему бы мне не рапортовать, - искренне изумился начальник.

- Значит, построена?

- Да, построена.

- Крыши нету-у-у! - простонал председатель Евлахского колхоза.

- Кровельщики, братец, захворали, все мы под богом ходим, - бойкой скороговоркой отбил атаку Башир, - а ты разве гарантирован от недугов?

- Слушай, я же не могу оставлять под снегом стельных коров-рекордисток!

- Вполне тебя понимаю, братец, - посочувствовал Башир и даже чмокнул губами. - Собственно, а чего ты расстраиваешься? Завтра будет крыша. Вчера и стен не было, а сегодня стены стоят. Да ты что, с неба свалился, не понимаешь, что такое строительство?

В трубке что-то заклокотало, захлюпало... Окончив разговор, Башир с облегчением вздохнул, мягко сказал стоявшему перед столом прорабу:

- Видишь, всегда можно найти выход из трудного положения. Конечно, и в нашем обществе есть противоречия, но не антагонистические.

В эту минуту вошла в кабинет озабоченная секретарша и сухо напомнила:

- В одиннадцать к прокурору, товарищ Башир. И внезапно Башир почувствовал, как подломились ноги, и ему захотелось завернуться с головой в одеяло и уснуть и проснуться с радостным сознанием, что все происходящее - скверный сон.

"Мама, мне плохо, помоги!.." - взмолился он.

Но мама умерла давно, в годы войны.

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ФАИК

Сегодня будем разбирать заявление Амикишиева. Если сможете, зайдите, пожалуйста. - Секретарь партийной организации университета смотрел на меня, ожидая ответа.

Я знал о заявлении Амикишиева и, хотя времени у меня было в обрез, пришел. Когда секретарь прочел заявление, один из членов бюро бросил с места:

- Эге-ге, стипендию просит... Да ведь его папаша - видный государственный деятель. Рублей четыреста - пятьсот получает. У нас еще немало нуждающихся студентов... Если дадим стипендию Амикишиеву, нас просто засмеют.

Никто не ответил. Многие вспомнили, как Фаик Амикишиев подавал такое же заявление и в прошлом году. Ему отказали. Напрасно он сейчас повторил свою просьбу, отнюдь это не располагало в его пользу. И Фаик чувствовал это. Когда декан вызвал его и стал задавать вопросы, он несколько минут переводил с одного члена бюро на другого умоляющие глаза и наконец с трудом выговорил:

- Я очень прошу... если можно, ничего не решайте, не выслушав меня.

- Да что там слушать? Твоя просьба изложена в заявлении.

Фаик повернулся ко мне:

- Профессор, вы знаете меня лучше других, прошу: разрешите все объяснить. Тут дело не только в стипендии.

В голосе его слышалась такая мольба, такая неподдельная боль, что я не мог не посочувствовать ему и незаметно подал знак секретарю: мол, пусть расскажет. Тот согласился:

- Ну что ж, дадим тебе возможность высказаться. Говори...

Я думал, Фаик обрадуется и тут же начнет рассказывать, но он стоял молча, низко опустив голову. Декан повторил:

- Мы слушаем тебя, говори... Его поддержали:

- Не стесняйся, Фаик!

- Расскажи, в чем дело. Фаик медленно поднял глаза.

- Если б можно с глазу на глаз... если б можно было рассказать все одному профессору... Вы не думайте, мне нечего бояться... Но я не могу при всех...

Я решил еще раз выручить его:

- Позвольте поговорить мне с Фаиком наедине. Думаю, это не займет много времени. Вы пока решите другие вопросы, а потом я вернусь, и мы обсудим его заявление...

Мы вышли.

- Большое спасибо вам, профессор!

- Рассказывай, рассказывай, Фаик, не стесняйся, говори, что тебе надо. По мере возможности помогу.

Подавляя спазмы, сжимавшие ему горло, Фаик начал рассказывать мне свою грустную историю:

- Профессор, я знаю, стыдно говорить обо всем этом, но у меня нет другого выхода. Надо мной смеются, когда я прошу дать мне стипендию и место в общежитии. Люди удивляются: дескать, сын такой персоны взбесился... Знали бы они, что творится у нас дома!.. Да, да, профессор, мой папа - уважаемый деятель, это всем известно, но знаете ли вы, что он бросил мою мать, привел в дом молодую... Я стараюсь не бывать дома, ухожу к товарищам, иногда даже у них остаюсь ночевать. Но сколько так может продолжаться? Это не жизнь. Хотел уйти из дома еще в прошлом году, но стипендию не дали. Я понимаю, всем нельзя давать стипендию, но это моя последняя просьба: пусть университет не откажет мне в отцовской заботе. Раньше я мечтал об аспирантуре. Сейчас мне ничего не нужно: ни аспирантуры, ни лаборатории, ни кафедры. Я уеду, уеду далеко, на окраину, чтоб никогда не видеть отца... Слова Фаика больно отзывались в моем сердце, я вспомнил, что мне кто-

то рассказывал о похождениях пожилого Амикишиева, но я не придал этому значения и сейчас чувствовал себя виноватым.

- У тебя, кажется, есть брат?

- Да, ему четырнадцать, но Акиф решительнее меня: ушел в ремесленное при заводе, там и живет.

- Все ясно, Фаик, - я положил ему руку на плечо. - Все ясно. Ничего больше говорить не надо. Надеюсь, что завтра же ты будешь обеспечен и общежитием и стипендией. Не грусти, сынок.

Стипендию Фаику, конечно, дали, устроили в общежитие. Однако еще долго у меня в душе оставался неприятный осадок.

Однажды, выйдя из аудитории, я заметил, что от дверей ректората ко мне спешит высокий мужчина в плаще. Еще издали он протягивал руку... Осанка у него была величавая.

- Профессор, будем знакомы. Может быть, вы меня не знаете, но я знаю вас прекрасно. Вы - краса и гордость нашего университета, его опора!.. У меня к вам небольшая просьба. Конечно, если разрешите. - Он выпалил все это единым духом, не выпуская моей руки. - У вас учится мой сын Фаик Амикишиев. Он в вас души не чает...

Мне хотелось резко повернуться и уйти, уйти, не сказав ни слова, но Амикишиев уже нагнулся к самому моему уху, таинственно зашептал:

- Некоторое время назад Фаик просил определить его в общежитие, а теперь я обращаюсь к вам, покорно прошу, чтобы его лишили места в общежитии. Пусть возвращается домой.

- А кто ему мешает вернуться домой? - с гневом спросил я.

- Мешать-то некому, но вы, учитель, любимый учитель, могли бы доказать ему, что он должен вернуться домой.

- А может быть, он не захочет?

- Если вы скажете, профессор, захочет. Не посмеет ослушаться вас.

- Но ведь вы отец, поговорите с ним сами.

- Фаик немного обижен на меня, - смутившись, сказал Амикишиев. - Он еще ребенок, многого не понимает в жизни...

- По-видимому, вы его обидели?

- Нет, он просто меня не понимает. Да, я развелся с его матерью, а с мачехой он никак не поладит. Ну, раза два, я, как говорится, делал ему внушения.

- Значит, Фаику в общежитии удобнее, - заметил я твердо.

- Нет, Фаик должен вернуться домой, хотя бы на несколько месяцев. Помилуйте, ведь мне будет обидно, если сына моей жены впишут в домовую книгу, а моего родного сына вычеркнут. Теперь вы

понимаете, профессор, в чем дело? Хотя бы на время Фаик должен вернуться.

- А Акиф уже вернулся?

Амикишиев в растерянности попятился: уж этого вопроса он никак не ожидал.

- Нет... Акиф не может вернуться. Он... Его не отпускают из ремесленного. А вот Фаик может вернуться!

Вдруг меня словно осенило, и я понял, почему так суетится Амикишиев. Видимо, и с новой женой у него не все ладно. "Любовь" остыла, а может быть, и вовсе погасла. Жена, наверное, требует раздела квартиры. А делить-то будут по количеству жильцов. Вот Амикишиеву и понадобились его дети, потому-то он и бегает то к Фаику, то к Акифу, стараясь во что бы то ни стало сохранить квартиру. Чего доброго, и вправду разведется, придется привести домой еще одну, помоложе. Не настал же конец света!.. Куда он ее денет?

1962

СОСЕДИ

Я хочу рассказать вам простую, очень простую историю. Но, может быть, она заставит вас призадуматься: ведь порой простые истории не так просты, как может показаться на первый взгляд.

Одним словом, недавно Мермер-ханум с тремя детьми и Акпер с пятью получили ордер на одну квартиру: две комнаты дали Мермер и две комнаты - Акперу. Вы, конечно, сразу подумаете, что двум таким семьям в одной квартире будет тесно и что, по всей вероятности, они не смогут ужиться между собой.

Если бы дело обстояло таким образом, это была бы история банальная. Но случилось нечто непредвиденное - то, чего не могли предположить ни в райисполкоме, ни в домоуправлении, ни в небесной канцелярии самого господа бога.

Вы, наверное, обратили внимание, что главой одной семьи я назвал Мермер - женщину, а главой другой - Акпера, мужчину. Я сделал это вовсе не потому, что у Мермер нет мужа, и не потому, что Акпер вдовец. И не думайте, что таким образом я лишний раз хотел подчеркнуть царящее у нас равноправие обоих полов,- женившись, я слишком хорошо познал, во что обходится это равноправие

нам, мужчинам! Но об этом мы лучше поговорим как-нибудь в другой раз...

Так вот, у Мермер есть муж, и очень хороший. Он - инженер, зовут его Гылман. И Акпер имеет красавицу жену Адилю, которая работает врачом, так что здесь тоже все в порядке. Но вы должны знать, что главные герои нашего рассказа - именно Мермер и Акпер, а об остальных приходится упоминать только в силу необходимости, постольку, поскольку они существуют. А ведь все могло бы быть по-другому, если бы... Ах, это если бы! Оно, словно камень преткновения, появляется на нашем пути, и кто из нас не споткнулся хоть раз в жизни?

Теперь-то я и должен сказать вам самое главное. Было время, когда Мермер (она тогда еще не была замужем) и Акпер (он тоже еще был не женат) очень любили друг друга. Казалось, ничто на свете не могло их разлучить - и кто бы мог предположить, что пламя их любви так легко превратится в пепел? Почему это произошло, долго рассказывать. Глупая ссора, ложная гордость... Ну, да что теперь вспоминать! Много воды утекло с тех пор. И Акпер, и Мермер забыли о том, что было между ними, вернее - они постарались уверить себя в том, что все забыли, но разве может бесследно исчезнуть из сердца первая любовь?

Казалось бы, что ж такого? Разошлись, и разошлись. Акпер нашел себе любимую, и Мермер

вышла замуж за любимого, - на этом все и кончилось... Но нет! Надо же было такому случиться, чтобы через двадцать лет они, очутившись в одной квартире, стали соседями!

Знай Акпер, что так обернется дело, он ни за что не стал бы вселяться в эту квартиру. Но уж очень надоело ему с женой и детьми кочевать с места на место, и поэтому, когда в райисполкоме ему предложили эти две комнаты, он согласился. Председатель его утешил:

- Ничего, с вами будет жить неплохой сосед. Он инженер, человек культурный, вежливый. Да и потом это временно. Пока поживите так, а когда пройдет жилищный кризис - видно будет!

И Акпер, недолго думая, взял под мышку радиоприемник "Рекорд" и переехал с семьей на новую квартиру. Напевая какую-то веселую песенку, он вошел в коридор, поставил приемник на пол и... у соседских дверей увидел Мермер. Она измеряла сантиметром ширину двери - наверное, прикидывала, какой должна быть портьера.

Мало того - увидел. Он чуть не столкнулся с ней, входя, и она отошла немного назад, уступая ему дорогу, а затем пристально поглядела ему вслед. И Акпер обернулся - и застыл. Взгляды их встретились. В тот же миг одновременно дрогнули их сердца. Как говорят поэты, раскрылся неувя-

дающий бутон любви, и от этого аромата у обоих закружилась голова.

"Она или не она? Нет, наверное, просто похожа... Но глаза... Те самые глаза... Неужели все-таки она?" Акпер не смел поверить, что перед ним та самая Мермер, с которой он расстался двадцать лет назад. Неизвестно, сколько они еще стояли бы и смотрели друг на друга, но тут с улицы кто-то крикнул:

- Мермер-ханум, брось-ка мне ключ от шкафа! Женщина сказала "сейчас" и, промчавшись в комнату, бросила кому-то ключ с балкона.

Все сомнения теперь развеялись. "Мермер-ханум"... Так это она!

Когда-то, слыша это имя, Акпер вздрагивал, чувствуя, как у него замирает сердце. Сколько раз, рассеянно слушая лекции, он выводил в тетради для записей это имя! Он писал его всюду: на стволах деревьев, на песке, на снегу... "Мермер-ханум" - это имя не сходило с его губ, жило в его сердце... Сколько лет он не слышал его? Сколько лет не произносил ни разу?

"Да, конечно, это она. Ведь мне говорили, что она вышла замуж за инженера... Боже, если узнает об этом Адиля, она подумает, что все это я нарочно устроил!"

"Мермер-ханум..." Сколько воспоминаний было связано с этим именем! Это о ней в грустные минуты пел Акпер:

В этом мире камни я таскал -
Не наполнился мой корабль,
В этом мире только одну девушку я любил
Оказалась не моей!

И ВОТ ЭТА ВСТРЕЧА...

Акпер стоял, не в силах сдвинуться с места. Никогда еще не чувствовал он такого волнения и боли в душе. Зачем она, эта встреча, теперь, когда Мермер - жена другого и сам он давно стал отцом? Наверное, она даже не узнала его...

Но она узнала. Ведь Мермер тоже рассталась с Акпером с болью в душе, и эта боль сразу ожила, едва она увидела его. Ах эта глупая ссора! Теперь-то Мермер прекрасно понимала, что Акпер нарочно пошел тогда с Адилей в кино, чтобы подразнить ее. А она сразу же отрезала ему все пути для примирения, не захотела даже выслушать его оправдания. Ей казалось, что она правильно сделала, и все эти годы она жила, почти не вспоминая об Акпере, и вдруг сегодня, увидев его в коридоре новой квартиры, разом забыла и о портьере и о сантиметре, который держала в руках. Ей показалось, что, сколько ни есть людей на свете, все видят, как она стоит в дверях растерянная, расстроенная, и смеются над ней, и все-таки она не могла заставить

себя войти в комнату. Только возглас мужа вывел ее из оцепенения.

Когда она, бросив ему ключ, возвратилась, Акпер по-прежнему стоял у двери. Хотел было поздравить Мермер с новосельем - язык не повиновался, хотел пройти к себе - ноги не шли. Но нельзя же стоять истуканом и молчать! Преодолев свое волнение, он наигранно бодро обратился к Мермер-ханум:

- Соседка, поздравляю с новосельем! Но, по-моему, в этой квартире только один счетчик?

- И вас также поздравляю! - холодно ответила Мермер-ханум, задетая тем, что Акпер назвал ее просто "соседкой". Подумать только, до чего непостоянен мир! Вчера еще этот парень готов был пойти на смерть ради нее, а сегодня он забыл, как ее зовут...- Да, счетчик только один, но ничего, можете, в крайнем случае, поставить другой у себя в комнате.

- Да нет, это я к слову сказал, хватит и одного... Соседи должны дружно жить.

- Конечно, конечно... Главное - согласие в доме, остальное все - мелочи.

И вдруг Акпер решился:

- Простите, Мермер-ханум, вы случайно не учились в...?

Мермер покраснела.

- А вы случайно не из тех товарищей, которые потом пошли учиться в медицинский?

Оба некоторое время молчали, не зная, что сказать друг другу, но как много говорило это молчание! Ах, какая радостная и горькая минута это была! Но тут ее самым прозаическим образом нарушил муж Мермер-ханум, который, взвалив на спину кроватную сетку, пытался втиснуться в узкую дверь.

До этой встречи Мермер-ханум, осмотрев квартиру, собиралась пойти в райисполком и пожаловаться, что дверь плохо закрывается, что окна вообще невозможно открыть, что из крана все время капает вода и т. д. и т. п. И у Акпера был целый ряд претензий, который он собирался обрушить на голову управдома. И что же? Оба они забыли и про кран, и про окна, и про двери, и молча разошлись каждый по своим комнатам. Таким образом, от этой встречи райисполком только выиграл, да и управдому, можно сказать, здорово повезло. Но каково было на душе у Мермер и у бедняги Акпера?

До сих пор жизнь их текла тихо, спокойно, они были счастливы. И только сейчас оба почувствовали, что каждый из них владел до сих пор не счастьем, а половинкой счастья, да-да, ровно половинкой, и, только соединив эти половинки, они

могли бы узнать, что такое счастье большое, настоящее, ликующее.

"Неужели, - размышлял Акпер, - каждый день я буду проходить мимо и не посмею лишний раз взглянуть на нее? Ведь она жена другого... Ну и пусть! А все-таки я буду слышать ее голос, буду жить воспоминаниями о молодости и мечтой о том, что она могла бы быть моей... Только мечтой - не больше! Но разве мечта - это так уж мало?" Так пробовал утешать себя Акпер, но чувствовал, что покой его безвозвратно нарушен.

А Мермер с тревогой думала о том, что любовь, ожившая в душе обоих, может оказаться гибельной для их семей, и была очень осторожна с Акпером. Во избежание всяких недоразумений она сама сказала мужу:

- Гылман, помнишь, я еще до свадьбы дала тебе прочесть письмо одного парня, врача, который ухаживал за мной? Знаешь, кто это был? Наш теперешний сосед, Акпер Акперов.

Гылман доверял своей жене и не счел нужным придираться к тому, что было в прошлом. Но все-таки спросил на всякий случай:

- Интересно, как он теперь, доволен своей женой?

- Да, все говорят, что они очень дружно живут...

- Вот и хорошо! Дай им бог в мире и согласии прожить еще сто лет! Видно, у каждого - своя судьба. Например, у меня на роду написано было, что моя судьба - это ты. Если бы не ты, я бы и инженером не был...

- Уж не жалеешь ли ты об этом?

- Что ты, Мермер! Ты меня сделала человеком... Я никогда этого не забуду! - воскликнул Гылман. - А ты... Ты не жалеешь, что встретила меня?

Как вы думаете, дорогой читатель, что ответит ему Мермер? И что, по-вашему, произойдет дальше? Наверное, вы ждете бурных драматических событий, которые должны закончиться двойным объявлением о разводе? Успокойтесь: ничего подобного не будет.

А все-таки жаль, что по нашей собственной вине нам нередко приходится довольствоваться половинкой счастья. Все-таки жаль...

Ах, если бы не эта глупая ссора, что произошла двадцать лет назад!

1963

С ВОЗА УПАЛО – ПРОПАЛО

Мадат Ахмедов потерял авторитет. Чудовищно, уму непостижимо, - знатный хлопковод района вдруг начисто лишился авторитета, между прочим, завоеванного годами действительно самоотверженного труда.

Никому не желаю очутиться в таком жалком положении.

Пользовался человек почетом, уважением и вдруг почувствовал, что никому он не нужен, никто с ним не считается.

Горе, и горе тяжелое!

Кто же виноват в этом? Мадат Ахмедов? Но ведь он ничего предосудительного не совершил; как говорится, ни в одном глазу... Председатель райисполкома Велиев? Да, на мой взгляд, он грешен, и грешен жестоко.

Как только Мадат Ахмедов прославился высокими урожаями на больших площадях, как только в республиканских газетах замелькали его портреты, товарищ Велиев потерял покой и сон.

Архитекторы привезли проект величественного, с архитектурными излишествами, то есть с древнеримскими колоннами, Дома культуры.

Тотчас председатель Велиев пригласил на обсуждение Мадата.

- Глас народа - глас божий. Пусть говорит Мадат.

Согласен: глас народа - глас божий, но с каких это пор хлопковод Мадат прослыл знатоком архитектуры?

Вот тут-то и совершил роковую ошибку Ахмедов, и за это я его осуждаю бесповоротно. Вместо того, чтобы удалиться, он развязно подсел к столу, трень-брень, распорядился удвоить колоннаду. И председатель с ним согласился. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Архитекторы остались с носом.

Через неделю привезли проект памятника великому Физули.

- Дорогой Мадат, как ты думаешь, изобразить Физули в папахе или без папахи? - спросил Велиев. - Скажи скульптору.

Мадат брякнул без размышлений:

- В папахе жарко: в нашем районе климат знойный. Да, лучше без папахи. И вообще папаха - пережиток прошлого.

Скульптор попытался спорить:

- Историческая традиция...

- К чертям свинячьим такие традиции, - строго оборвал гостя председатель Велиев. - Вы бы поучились у нашего знатного хлопковода Мадата Ахмедова искусству ломать традиции! Мы, товарищ, приветствуем смелое творческое новаторство!

Столичный гость уступил и этим малодушием окончательно погубил Мадата.

В старину говорили, что лихой скакун хорош до тех пор, пока не закусил удила...

С одобрения Велиева Мадат указал место, где надлежит поставить плотину межколхозной гидростанции.

Инженеры запротестовали, но председатель на них шикнул:

- Уважаемый человек района! С ним и в министерстве считаются... Да как вы осмелились?

Плотину, правда, весною прорвало паводком, но Велиев продолжал упрямо назначать Мадата в жюри смотра художественной самодеятельности, в комиссию по обследованию детской музыкальной школы. На районном совещании учителей Мадат сделал доклад: "Пути повышения успеваемости учеников старших классов".

Велиев наслаждался:

- В мрачную эпоху царизма люди делились на "белую кость" и на "черную кость". Теперь передовые советские труженики досконально разбира-

ются во всех без исключения вопросах культуры и экономики. Возьмите, к примеру, меня: во всяком деле - мастак, всем даю руководящие указания.

После этого Мустафа-киши, старик острого ума, сказал в чайной:

- Вскочит под мышкой чирей, не к врачу пойду-о к знатному хлопководу!..

Бедняга Мадат и почесаться не успел, как превратился во всеобщее посмешище района. Кичливость впрок не идет, ох, нет!.. Пока он утверждал архитектурные и гидротехнические проекты, хлопок в поле зачах без заботы и попечения.

Спохватился, ан поздно: что с воза упало, то пропало...

В тот день, когда с треском сняли с работы Велиева, авторитет Мадата испарился, словно капля воды, упавшая на раскаленный летним солнцем асфальт.

1963

АЛЛАХ, ОН ЗНАЕТ

Кечиев решил стать писателем.

Драматургию он счел занятием трудным, критику- делом рискованным, поэзию вообще невыгодной (слишком много поэтов развелось, а заработки!..) и потому выбрал прозаический жанр.

Друзья надоумили Кечиева, что путь в литературу лежит через консультацию Союза писателей.

И теперь Кечиев каждодневно околачивался в консультации, требуя творческой помощи и квалифицированных указаний.

- Вы обязаны помогать начинающим, - строго говорил он консультантам, и те с виноватым видом - действительно обязаны - кроили и перекраивали, чиркали и переписывали его единственный рассказ.

С этим рассказом Кечиев никогда не расставался, читал каждому встречному-поперечному. Слушатели изнывали от тоски, зевота сводила челюсти, но автор и в ус не дул.

Однажды в консультации молодой писатель Агиль прочитал рассказ, - очередной, может быть,

тридцатый. Со всех сторон посыпались похвалы. Консультант сказал, что талантливое произведение необходимо напечатать. И написал рекомендательную записку.

Сияющий от счастья Агиль вложил рукопись в конверт.

В эту минуту Кечиев протянул ему сложенные вдвое листочки и шепнул:

- Заодно пошлите, джан, и мой рассказ, пусть в редакции ознакомятся.

Агилю было неудобно отказать, и он запечатал конверт.

В редакции не заметили, что на второй рукописи нет подписи автора. Первый рассказ (Агиля) вызвал восхищение, другой (Кечиева)- неслыханное замешательство.

На беду, член редколлегии Арифов, никогда рукописи не читавший, но на заседания от скуки приходивший, был добряком. Распустив по бороде снисходительную улыбку, он сказал проникновенным тоном:

- Агиль написал прекрасный рассказ, который безусловно порадует широкие круги читателей и принесет нашему журналу заслуженный авторитет. Да, второй рассказ слабее, но ведь это рассказ Агиля, и мы не имеем права скрывать от общественности, что у молодого литератора случаются срывы, творческие неудачи. Пусть критика отме-

тит причины провала и этим поможет, да, да, поможет способному человеку...

Никто из членов редколлегии не захотел спорить со стариком, и в очередном номере появились рядом два рассказа.

Тотчас Кечиев развил бурную деятельность.

В заявлении на имя секретарей Союза писателей он обвинил Агиля в присвоении не только чужого рассказа, но и чужого гонорара. От редакции он потребовал незамедлительного исправления ошибки.

Что поделаешь!.. Гонорар вернули. Секретарю редакции влепили выговор, но в следующем номере пришлось поместить поправку.

Агиля поздравляли с несомненным творческим успехом,- парень смущался. При упоминании Рапира Кечиева все отплевывались, но никто ему в лицо так и не сказал, что рассказ скверный.

Тем временем Кечиев прислал в секцию критики Союза писателей письмо с признанием художественных недостатков своего рассказа. Критикам польстил покаянный тон Кечиева, и на очередном заседании они обстоятельно разобрали это никудышное произведение, признали, что в рассказе нет логики развития сюжета, гармонической композиции, художественных образов людей.

На собрании молодых писателей Кечиев смело взбежал на трибуну, подробно рассказал о положительном влиянии критики на его творчество.

- А кто такой Кечиев? - неосторожно спросил кто-то из собравшихся.

Соседи посмотрели на него неодобрительно.

- Аллах, он знает!..

Отныне о Гапире Кечиеве упоминали во всех речах. По ходатайству секции прозы ему дали бесплатную путевку в Дом творчества.

Там Кечиев усердно совершенствовался в бильярдной игре, сражался в нарды, но к бумаге не притрагивался, а если его спрашивали о том, как идет работа, то наглец с болезненной гримасой отвечал:

- Обеды плохие. Разве возможно при таком питании заниматься целеустремленной творческой деятельностью!.

Обеды были, точно, неважные, повара заменили, а молодой прозаик взялся на общественных началах руководить кухней.

С того дня пищу готовили по рецептам Кечиева, и свидетельствую - отменно.

На недельку в Дом творчества прибыло руководящее лицо - отдохнуть, подлечить нервы. Узнав об этом, Кечиев сказал себе: "Самый момент!" - и явился к руководящему лицу с коробкой конфет и бутылкой коллекционного коньяка. Осмотрев ком-

нату, он вышел в коридор и властно крикнул уборщице:

- Сменить шторы! Почему нет букета цветов? Руководящее лицо осталось довольно такой предусмотрительностью.

На вопрос Кечиева "Нет ли претензий к повару?" руководящее лицо искренне произнесло:

- Пища богов!

Год прошел, два, но всюду и везде руководящее лицо изрекало:

- Кечиев? Э-э, знаю.

Когда секция критики представила отчет о своей деятельности, то в каждом параграфе упоминался Гапир Кечиев.

- А кто такой Кечиев? - заинтересовался один яз секретарей Союза.

- Один у нас Кечиев, - начинающий прозаик.

А что он написал?

- Пока что рассказ, вызвавший бурные споры.

- О чем же спорят?

- Безнадежно бездарный рассказ или его еще можно "вытянуть". Получится писатель из Кечиева или не получится.

- Да разве это тема для спора?

- А что мы сделаем, если сам Кечиев устраивает эти споры.

- К какому же выводу вы пришли?

- Надо проявить чуткость.

Прослышав об этом разговоре, не предвещавшем ему ничего отрадного, Кечиев накатал заявление в вышестоящие инстанции: мол, секретари Союза бросили его, молодого прозаика, на произвол судьбы. Что можно написать на таком заявлении? "Надо проявить чуткость".

И вот два года мы все видим, все знаем, но "проявляем чуткость". Никто не пытается узнать, где берет Кечиев деньги, на что он живет, у кого, как у пророка за пазухой, процветает, а если кто-либо и спросит, то ему отвечают с многозначительной улыбкой:

- Аллах, он знает.

1963

КАЗНАЧЕЙ

В бабушкиных сказках, каких я немало наслушался в детстве, неизменно фигурировал казначей шахской казны. Если все слуги, соратники шаха отличались склонностью к стяжательству, а то и к прямому воровству, то казначей был украшен добродетелями, берег шахские сокровища пуще зеницы ока, - ни лесть, ни щедрая взятка не могли проложить путь к его неподкупному сердцу.

С той счастливой поры, как говорится, много воды утекло, бабушкины сказки забылись, а если я иногда и вспоминал их, то со снисходительно-иронической усмешкой.

Но однажды я, студент-первокурсник, пришел в Публичную библиотеку и в биобиблиографическом кабинете натолкнулся на старика, которого иначе как Казначеем и назвать нельзя. Он был высокий, худой, в поношенном, но изящно сшитом костюме, - было понятно, что одежде он не придает никакого значения. Толпа читателей окружала его. Какой-то студент или аспирант спросил о не-

обходимой ему книге, и старик, не задумываясь, сказал:

- Одиннадцатый сектор четвертого зала, пятый шкаф, вторая полка снизу, книга в кожаном переплете, редкая, берегите ее!

Сперва я часами рылся в картотеке, отыскивая нужные книги, записывая шифры, а затем, каюсь, обнаглел и шел прямо к старику за справками.

Молодые, они всегда чуть-чуть эгоисты, может быть, и бессознательные.

Теперь-то я это понимаю!..

Старик с карандашом за ухом и с лупой в руке обычно изучал старинные книги, рукописные, потемневшие от времени фолианты; мне было неудобно отрывать его от дела, но я, конечно, отрывал, и он говорил со мною дружелюбно.

- А, молодой человек! Ну, говори, говори, что тебе сегодня понадобилось?

Книгу Казначей брал так осторожно, словно она была стеклянная и могла при падении разлететься мельчайшими брызгами.

- Нет у народа сокровища драгоценнее, чем библиотека, - наставительно поучал он меня. - Сейчас ты этого, вероятно, не понимаешь, а вот постареешь - поймешь!

Теперь я действительно это понял...

- В старину рукописи хранились в шахских дворцах, в мечетях, в храмах, - взволнованно про-

должал старик, - а ныне, богатства книжные принадлежат народу, одному народу! Люби книгу, береги книгу, молодой человек, будь верным ее стражем!

Я восхищался энциклопедическими познаниями старика, его исключительной памятью. Книга была единственной страстью в его жизни.

Приятели мне завидовали: подружился, мол, с таким знатоком книги...

Однако вдруг мне не повезло, да еще как не повезло! Прихожу в библиотеку, здороваюсь. Едва услышав мой голос, Казначей вскочил и так грозно посмотрел, будто хотел пронзить меня клинком взгляда.

- Что ты сказал? Опять за книгами? А совесть где твоя, недостойный?

Он осыпал меня горькими, резкими упреками. В смущении я попятился, не понимая, что произошло, в чем же я провинился.

- Муэллим...

- Откуда берутся такие злодеи? Почему их не испепелила молния на пороге сокровищницы слова? Им место на базаре, в мелочной лавке, а не в храме мудрости!.. - Старик любил витиеватые обороты,

- Я не понимаю...

- Конечно, не понимаешь, - издевательски передразнил меня Казначей. - Варварство!.. Святотатство!

И распахнул передо мною книгу в сафьяновом переплете, - одна страница была рывком, наискосок вырвана.

- Но это же не я! - воскликнул я с отчаянием. Вероятно, старик сразу же поверил, что я не осквернил книгу, но успокоиться уже не мог, потрясая руками, кричал:

- В старину злодею отрубили бы руку!.. Я состарился здесь, потерял здоровье, вся моя жизнь протекла в пыльных книгохранилищах. Я трясусь над каждой брошюркой, каждым листком!.. И для того лишь, чтоб вы, молодые, получили в неприкосновенности святое наследие былого. Но в храм книги проникают изверги! Подумай, он же учится, работает с книгой, он слывет культурным человеком, а в это же время... Эх, попался бы мне этот злодей! Да я б его!.. Боже, не из книги, из души моей он вырвал кровоточащий кусок!

Казначей положил трясущуюся руку на сердце, побледнел; кто-то побежал за водою, я бережно усадил старика в кресло; читатели, сотрудники библиотеки успокаивали его, возмущались вместе с ним, клялись, что выследят и накрепко расправятся с негодяем.

...Этот случай так потряс меня, что много дней я не находил себе места. Удалось бы мне обнаружить преступника, расквитался бы!.. Старик вспомнил, как в старину вору, покусившемуся на казну шаха, отрубали руку по локоть. Ну, пожалуй, такие жестокие казни в наше время неуместны, и, слава богу, что неуместны, но все-таки...

Увы, преступника я не нашел.

А вы его случайно не встречали?

1963

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

В боях под Керчью я был тяжело ранен. Почти два с половиной месяца - семьдесят два дня - пришлось проваляться в госпитале. Чего только со

мною не делали: и резали, и штопали, и чинили! Наконец я встал на ноги. Однако о возвращении на фронт и даже о продолжении тыловой службы в армии не могло быть и речи. Меня демобилизовали.

Вскоре после приезда домой мне предложили работу в одном институте. По правде говоря, я обрадовался. Во-первых, я и до войны работал в этом институте, прекрасно знал всех преподавателей; во-вторых, такая работа была мне по душе: я любил заниматься со студентами.

Однако теперь, в условиях войны, институт явился мне как бы в новом обличье. Стиль работы совершенно изменился. Лозунг партии: "Все для фронта, все для победы" - был священным, стал программой нашей работы, нашей жизни.

Естественно, что нам было уже не до классных журналов, не до выискивания ошибок в студенческих тетрадях. На это просто не хватало времени. Мы копали окопы, дежурили на крышах домов во время воздушных налетов, ездили на вокзал встречать эвакуированных. Мы проводили беседы, концерты, лекции в госпиталях, школах, домоуправлениях, прямо на вокзалах, в вагонах эшелонов, в аэропорту, в готовящихся к отлету самолетах. А по вечерам занимались военным делом, чтобы в нужную минуту взять в руки оружие.

Многие из моих читателей, конечно, помнят, а те, кто помоложе, знают по рассказам, какие это были тяжелые времена. Служащие получали пятьсот, а иждивенцы, так называли тех, кто не работал, всего триста граммов хлеба в день. Люди едва успевали получить паек, как тут же съедали хлеб, запивая пустым чаем, и с нетерпением ждали выдачи завтрашней нормы. Потеря хлебной карточки была трагедией.

Однажды я встретил старого друга.

- О, здравствуй! Как дела? Что слышно в институте? Как настроение?

- Э, - я махнул рукой, - дела, как у всех, настроение такое же, а в институте... Сам понимаешь!..

Друг опустил голову, помолчал. Да и что он мог сказать? Так было везде. По всей стране. А во многих городах положение было куда тяжелее, чем у нас.

И вдруг в один прекрасный день директор института радостно сказал:

- Приятные новости! Решением правительства научным работникам назначены дополнительные нормы продовольствия, почти равные фронтовым.

В горкоме партии директору говорили: "Страна переживает тяжелые, очень тяжелые дни. И если партия и правительство в такое время находят нужным выделить большие продовольственные

ресурсы ученым, то в первую очередь настоящим ученым. Будьте бдительны. Тщательно проверяйте все документы каждого работника. Случайные люди не должны извлечь выгоду из этого постановления. Чтоб ни один недостойный человек не мог погреть руки у этого большого пирога!"

В тот же вечер мы приступили к проверке личных дел всех сотрудников и составлению списков. Всех, кто работал у нас в институте, - от профессоров до лаборантов - я знал. Некоторые были моими учителями, многих я учил сам. Так или иначе, работая здесь чуть ли не со дня основания института, я знал коллектив гораздо лучше, чем наш молодой секретарь месткома Алышан.

В те годы, чего уж там греха таить, бумагам, анкетам, удостоверениям, дипломам, характеристикам верили значительно больше, чем человеку. Бывало, на простой вопрос: "Что вы скажете о таком-то?" - руководитель учреждения, напуская на себя глубокомысленный вид, таинственно изрекал: "Проверим анкеты, тогда и посмотрим".

День ото дня умножались ряды железных шкафов, сейфов, угрюмые делопроизводители и работники отдела кадров, охраняли их, как укрепленную крепость.

Вот в таких-то условиях мы, копошась среди запыленных папок с полуистлевшими листками, должны были составить список ученых, достойных

получать "усиленное дополнительное питание", как тогда называли продовольственный лимит.

Когда мы добрались до личного дела профессора Шекибейли, Алышан удивленно поднял брови:

- А где документы старика? Кроме коротенькой автобиографии и копии приказа о зачислении на работу, ничего не вижу.

- Как ничего?

- Ничего! Ни одной справки!

- Не может быть!..

Мы пригласили делопроизводителя, секретаря. Тщетно. Спросили профессора. Он небрежно махнул рукой:

- А что там еще должно быть? Никаких удостоверений я не храню. Зачем они мне? Самое главное - мои книги. Их я привез, когда переезжал из Воронежа, а за документами я даже не пошел в канцелярию.

Алышан возмущенно посмотрел на меня:

- Но как мы можем в такой ответственный список включать человека, у которого нет ни диплома, ни характеристики, ни послужного списка?

- Профессора Шекибейли я прекрасно знаю. Он работает здесь уже больше пятнадцати лет. Это крупнейший специалист.

- Товарищ декан, это, конечно, прекрасно, но документы нужны, документы!

Я не сдавался:

- Мы должны верить человеку.

Алышан отрицательно покачал головой и с иронической улыбкой возразил:

- Что ж, выходит, ради Шекибейли мы рискуем распрощаться с партийными билетами? "Крупнейший специалист"! Крупнейшими специалистами называют тех, у кого в кармане есть документ, которым камень перерубить можно. Я на такой риск не пойду.

- Но послушайте, Алышан, это наш старейший профессор, его все знают, - воскликнул я.

Алышан почему-то не отвечал мне прямо, а все время обращался к ректору:

- Товарищ ректор, да что толку от этих знакомых, от свидетелей? Их к делу не подколешь. Нужны документы! Документы с печатью, со штампом, с подписью! В таком ответственном учреждении целых два часа нам читали лекцию, разъясняли, растолковывали, а мы... - Алышан перечеркнул карандашом фамилию Шекибейли. - Нет, как хотите, а я попадать под трибунал не согласен.

Я понимал, что просьбы ни к чему не приведут, взял личное дело профессора, еще раз перелистал.

- Значит, этого мудрейшего ученого мы должны оставить на произвол судьбы?

- Не можем же мы состряпать для него какие-то документы!

- А что скажут люди?

- Если люди что-нибудь скажут, мы покажем им эту пустую папку. Человека, у которого личное дело в таком состоянии, не допустят не только в высшее учебное заведение, но и к водопроводной будке.

- Но это известный ученый!

- Нам не нужна известность! Нам нужны документы. Документы с печатью! Удостоверения. Раз их нет - грош цена профессору.

Слова Алышана, твердые и резкие, совсем обескуражили меня. Ректор отмалчивался...

Я понимал, что по инструкции, которую нам дали, к Алышану не придерешься. Действия его абсолютно правильны. Но стоило мне подумать о судьбе Шекибейли, как я приходил в ужас. Неужто можно лишить его тех благ, которые государство выделило ученым?

Шекибейли и невдомек, какую задачу он мне задал, как мучительно я ищу выход, чтобы сделать его жизнь более спокойной.

- Алышан, а может, посоветуемся?..

- Какие еще советы? С кем? Где?

- Ну, там, наверху, в министерстве...

- Министерство прислало положение, там все ясно сказано.

- Да нет... Я об этом старике. Напишем обо всем, запросим, что можно сделать в таком исключительном случае. Каждое правило имеет исключение, не правда ли?

Алышан отложил в сторону бумаги, закрыл папку.

- Ну что ж, не возражаю. Идея неплохая, давайте напишем, запросим. Посмотрим, что они скажут.

Я обрадовался, но тут же вдруг вспомнил совсем о другом обстоятельстве, о котором нельзя было говорить ни парторгу, ни ректору, ни Алышану. У меня было такое ощущение, будто, справившись с одной бедой, я попал в другую, еще более страшную. Как говорится, из огня да в полымя.

А дело было вот в чем: много лет назад Шекибейли работал в Воронежском медицинском институте, не то деканом, не то заместителем директора - точно не помню. И там у него постоянно случались стычки с профессором Худаковым. Как-то раз Шекибейли выступил в печати, резко критиковал Худакова.

А теперь не кто иной, как именно этот профессор Худаков был заместителем министра. Нет сомнения, что он прекрасно помнит Шекибейли. И наверное, когда мы пошлем запрос о старике, о его делах, Худаков не упустит случая отомстить ему. Кто знает, вдруг вместо того, чтобы помочь Шеки-

бейли, я сделаю еще хуже. Ведь одного слова зам. министра достаточно, чтобы бедного старика выгнали. Я метался между двух огней. А Шекибейли, конечно, и в ус недул. Ему в голову не могло прийти, что его личное дело, вернее его личные дела, причиняют мне столько хлопот.

Прошло несколько дней, я все не мог решиться написать в министерство. Однажды меня встретил в коридоре Алышан.

- Ну, что вам ответили из Москвы? Я смущенно пожал плечами:

- Да все как-то не успеваю написать...

Его вопрос словно подстегнул меня, - быстро прошел к себе в кабинет, вызвал секретаря и продиктовал письмо.

Не помню точно, десять или пятнадцать дней прошло после нашего запроса в министерство, когда утром мне принесли объемистый конверт с сургучными печатями. Сердце мое екнуло.

Не в силах совладать с охватившим меня волнением, я дрожащими руками вскрыл пакет. На бланке министерства, эвакуированного в какой-то из сибирских городов, было написано: "Большое спасибо, товарищи, за то, что вы сообщили нам о профессоре Шекибейли. Мы рады, что старейший профессор жив и здоров. Просим вас, берегите его, позаботьтесь о нем. У этого человека огромные заслуги перед отечественной наукой. Он имеет пол-

ное право на льготы, которые советское правительство предоставляет ученым".

Кроме этого письма, подписанного Худаковым, в конверт были вложены характеристика и дубликат диплома профессора Шекибейли.

С чувством радостного торжества в душе я показал Алышану письмо.

- Видишь, как отомстил своему "врагу" профессор Худаков. А ведь когда-то его уволили после критической статьи Шекибейли...

Алышан был вынужден хмыкнуть:

- Мир не без честных людей!

По его глазам не было заметно, что он верит в это.

1963

ИСТОРИЯ "ГАЛОЧКИ"

В прошлом среди образованных молодых людей, из которых почти каждый наверняка писал стихи, в большом ходу были такие выражения:

"вечная любовь", "жестокая разлука", "пышноцветущая роза", "безумствующий соловей"...

Потому что тогда большинство юношей, окончив школу, больше помышляло о женитьбе, нежели о продолжении своей ученой карьеры.

А теперь молодежь только и твердит: "тема", "оппонент", "реферат", "диссертация", "аннотация"... Где соловьи, где розы?!

В прошлом выучившийся грамоте сочинял любовные послания, писал на память в альбомах изящные экспромты, а ныне пишут диссертации.

Раньше молодые люди, улучив момент, тайком писали записочки своим возлюбленным, которые тайком же их читали. А теперь, к сожалению, необходимо написать диссертацию открыто, так, чтобы каждый мог видеть: да, это действительно диссертация, да к тому же еще ты должен ее; публично обсудить. А это намного усложняет дело...

Так вот, дорогой читатель, однажды после обеда я сидел в своем .кресле, размышляя над всем этим, и чувствовал неодолимое желание - вздремнуть часок-другой. Но желанию этому не суждено было сбыться: только я устроился поудобнее и закрыл глаза, как раздался звонок. Пришлось встать и поспешить к двери. На лестничной площадке стояла высокая, миловидная девушка, коротко остриженная (непонятно все-таки, почему современ-

ные девушки столь безжалостны к своим волосам?), с довольно внушительной папкой в руках.

- Здравствуйте, профессор... - робко сказала девушка, глядя на меня так, словно я был по меньшей мере знаменитым Синей Бородой.

- Здравствуйте, здравствуйте, - благодушно ответил я. - Вы ко мне?

- Да... - Она еще раз неуверенно взглянула на меня и неожиданно твердо повторила: - Да. К вам.

- Ну что ж, проходите...

Подвинув нежданной посетительнице стул, я выжидающе посмотрел на внушительного вида папку, догадываясь, что, по всей вероятности, именно она, эта папка, и привела ко мне ее юную хозяйку. Заметив мой взгляд, гостья смущенно начала:

- Профессор, я пришла к вам... Я принесла свою диссертацию, которая должна обсуждаться на Ученом совете в начале следующего месяца. Она... готова!

"Готова!" Это слово она произнесла так громко, так уверенно! Однако во взгляде ее, устремленном на меня, я заметил тревожное ожидание, словно она боялась, что я ей не поверю.

- Ну что ж! Поздравляю! - сказал я, и мой ответ разом развеял ее тревогу. Девушка вся просияла и улыбнулась, хотя прекрасно понимала, что

поздравление это было только данью вежливости с моей стороны, не больше...

Я ждал, что последует далее.

- Вот приказ ректора, - сказала девушка уже более уверенным голосом и, достав из папки аккуратно сложенный вдвое лист бумаги, подала его мне.

Приказ гласил, что такого-то числа следующего месяца состоится обсуждение диссертации на Ученом совете и что я назначен основным оппонентом Манзар Гасановой. Иными словами - мне предстояло быть главным судьей этой миловидной смущенной девушки.

Взглянув на нее, я почувствовал, как она волнуется, и невольно мысленно представил себя на ее месте.

"Да, трудное это дело - быть судьей другого, - подумал я, - особенно когда этот "другой" смотрит на тебя, буквально не дыша в ожидании каждого твоего слова!"

Конечно, я спросил, какую именно тему и почему избрала она для своей диссертации, какими источниками пользовалась и каково ее отношение к этим источникам, кто ее научный руководитель, удалось ли ей опубликовать хотя бы несколько глав из своего труда, знакомы ли с диссертацией в ректорате, есть ли какие-нибудь отзывы на ее работу и т. д. и т. п.

Манзар отвечала на мои вопросы с запинкой и, как бы для того, чтобы придать больше бодрости самой себе, часто повторяла, что да, ректорат знаком с ее работой, отзывы даны самые положительные и не сегодня-завтра автореферат увидит свет.

"Ну что ж, - подумал я, - очевидно, присвоение ей кандидатской степени - дело решенное. Потому, наверно, мне и прислали работу на отзыв почти накануне обсуждения... Ведь уже конец месяца, а обсуждение назначено на шестое, так что в моем распоряжении всего несколько дней".

Я мог бы, конечно, придраться к такому короткому сроку, но, во-первых, неудобно было, чтобы из-за меня одного откладывали защиту, а во-вторых, глядя на девушку, мне как-то не хотелось быть формалистом. И я решил: после ее ухода просмотрю бегло ее труд, дам отзыв - разумеется, положительный - и с чувством исполненного долга задремлю опять в кресле.

Однако, продолжая сохранять судейское беспристрастие, я, откашлявшись, строгим голосом сказал:

- Хорошо... Оставьте свою работу, я посмотрю. Зайдете ко мне через несколько дней, лучше всего в четверг, в это же время.

Гостья, опустив голову, молчала. Потом, словно опомнившись, торопливо встала, попрощалась и ушла.

Ушла, но оставила мне массу хлопот. Раскрыв папку, я обнаружил красиво переплетенную, убористым шрифтом перепечатанную на машинке диссертацию, в которой было не менее 250 страниц. Вздохнув, я прикинул на руке вес этого научного труда и, решив, что в нем не меньше четырех-пяти килограммов, прочно уселся в свое любимое кресло.

Прежде всего я пробежал глазами предисловие. Оно занимало тридцать страниц, но суть его можно было изложить в трех фразах: автор сетовал на недостаточное количество авторитетных источников и трудные условия, в которых ему пришлось работать; в конце предисловия перечислялись имена больших ученых и людей, занимающих большие посты, но не имеющих никакого отношения к науке, которым автор тем не менее счел необходимым принести самую горячую благодарность за оказанную ему помощь в работе над диссертацией.

Разумеется, это предисловие мне совсем не понравилось. Но, в конце концов, меня интересовала сама диссертация, а не предисловие к ней, и я, не мешкая, решил приступить прямо к делу.

Автор намеревался посвятить свою диссертацию вопросам воспитания, затронутым в произведениях писателя Откамли1, но, дойдя до сто двадцатой страницы, я так и не узнал об этом писателе ничего, кроме того, что он "с пятнадцати лет вел активную, беспрерывную, решительную и непримиримую борьбу против всяческих угнетателей: ханов, молл, ахундов, кулаков и прочих эксплуататоров, паразитов и тунеядцев". Тем более мне не удалось узнать, каких взглядов на воспитание придерживался этот писатель и вообще - воспитывал ли он кого-нибудь, хотя бы эпизодически.

Дочитав научный труд Манзар Гасановой до конца, я закрыл его в полном смятении чувств и встал. Увы! Мне больше не хотелось вздремнуть! Мне вообще больше ничего не хотелось, кроме, пожалуй, одного- уехать куда-нибудь, все равно куда, хоть к папуасам, лишь бы они никогда не произносили этого ужасного слова "автореферат", придуманного цивилизованными людьми, и - упаси бог! - занимались бы вопросами воспитания не иначе, как дружно опуская томагавки на спину того, кто первым осмелился бы заикнуться о кандидатской степени, завершив какой-нибудь ученый труд, вроде: "О различных способах татуировки" или "Наиболее рациональное использование банановой кожуры в условиях тропиков".

Я метался по кабинету, как тигр в клетке. Но, постепенно успокаиваясь, я начал обдумывать вставший передо мной вопрос: как быть? Ведь в четверг эта девушка придет ко мне, придет с надеждой в душе... Что я должен ей ответить?

Мне вдруг стало жаль ее. Столько трудилась, прочла, наверное, целую гору книг... И вот теперь все ее мечты пойдут прахом. Попусту прошедшие годы, даром растраченные силы...

А ведь, наверное, у нее есть родители, которые радуются успехам своей дочки, ждут не дождутся, когда она станет ученой. И их надежды я теперь должен разбить, а это значит - я должен принять на себя проклятие людей!

У меня сразу заныли все зубы. Ничего себе, в хорошенькое положение я попал!

С одной стороны, и девушку жаль, а с другой стороны - наука есть наука, и тут ничего не поделаешь. Не могу же я, как говорится, "ради красивых глаз" покривить душой! Никак не могу...

А что же я должен делать?

Конечно, я могу очень вежливо сказать этой девушке:

- Да-да, дорогая, я прочел вашу работу. Что ж, в целом вы неплохо написали, совсем неплохо. Довольно актуальная тема, знаете ли... Но, с одной стороны, хотелось бы, чтобы такой-то вопрос вы разобрали более глубоко, а с другой стороны, та-

кой-то вопрос рассмотрели более широко... Ну и еще желательно было бы, чтобы вы немного прошлись по главе такой-то и уточнили сноску такую-то и т. д. и т. п.

И так, улыбаясь, я бы самым учтивым образом дал понять незадачливому автору, что слишком рано представлять эту работу на обсуждение Ученого совета.

Но в данном случае метод "вежливой критики" не годился: ведь обсуждение-то все равно уже было назначено, и я не мог его предотвратить!

Если бы Манзар пришла ко мне раньше... Оставалось еще два выхода: первый - откровенно высказать свое мнение девушке, когда она придет, хотя - я знал - это будет тяжело и неприятно как для нее, так и для меня, и второй - сослаться на то, что в связи с болезнью у меня не было возможности прочесть ее работу...

Так я ничего и не решил до самого четверга. А в четверг, когда девушка ровно в назначенный час пришла, я неожиданно для самого себя сказал ей следующее:

- Послушайте, Манзар, я хочу сказать вам прямо: я не написал отзыва на вашу работу и не напишу. Ваша диссертация - это, мягко говоря, не совсем то, что требуется. Но я не хочу препятствовать вам в получении кандидатской степени, а потому запомните: вы мне свою работу не приноси-

ли, я ее не читал, и на Ученый совет я по болезни не приду. Вот и все. Желаю вам удачи...

Говоря это, я не мог глядеть в лицо девушке и мысленно ругал себя последними словами: "Старый болван! Осел! Так-то ты демонстрируешь перед молодежью свою принципиальность и прочие высокие моральные качества! Хорош, нечего сказать!" Но было уже поздно. Я даже не пытался объяснить себе, почему я так поступил. Может быть, потому, что эта девушка с первого посещения чем-то расположила меня к себе, и мне было искренне жаль ее, не знаю...

Когда я все-таки решился взглянуть на Манзар, мне бросились в глаза выступившие у нее на лбу капельки пота. Девушка тихо сказала:

- Без вашего отзыва мою работу не допустят к защите, профессор...

- Почему? Ведь я же не буду отрицательно отзываться о вашем труде, вообще никак не буду, понимаете?

- А если Ученому совету все же потребуется ваше мнение, профессор?

- Ну... Надеюсь, что это не потребуется... - нерешительно сказал я, отводя глаза.

- А я уверена, что обязательно потребуется!

Мы долго молчали.

Наконец, чувствуя, что жалость к этой девушке начинает уступать невольной досаде на нее, я сердито спросил:

- Скажите, Манзар-ханум, ведь вы пять лет учились в институте и три года - в аспирантуре... Как же получилось, что сырую, недоработанную вещь вы поспешили красиво переплести и представить на обсуждение Ученого совета, не заботясь о том: а стоящая ли это вещь получилась? Неужели вы совершенно лишены критического чутья? Вот, смотрите, что у вас тут вышло... - И я, забыв всякую жалость и снисхождение, буквально по пунктам в пух и в прах разгромил ее диссертацию.

К моему удивлению, девушка не обиделась. Правда, щеки у нее горели, но выслушала она все мои замечания внимательно и кое-что тут же отметила прямо на полях рукописи.

- Профессор, - сказала она, - я вам все объясню... Когда я училась в институте, да и в аспирантуре, я была активной общественницей, хорошей спортсменкой. Но часто при этом пропускала лекции. Профессора относились ко мне очень снисходительно, все говорили обо мне: не "экзаменовал", а "отпустил", и все эти бесконечные собрания, совещания, концерты, встречи, походы и соревнования шли своим чередом. Только сейчас я поняла, что снисхождение, которым я пользовалась, мне повредило. Мне надо было серьезно заняться своей

темой... А я! - Манзар опустила голову. - Да еще руководитель мой почти все время болел, мы мало встречались...

- Руководитель, Манзар, ни за кого не пишет работу, - улыбнулся я.

- Профессор... я...

Я почувствовал в голосе Манзар какую-то решимость.

- Мне кажется, профессор, что я... еще не совсем... пропащий человек. Правда, эта работа мне не удалась, но я... Я постараюсь написать ее заново. И я... не боюсь трудностей, не думайте, пожалуйста, что я совсем не умею работать...

Я почувствовал, что в груди у меня потеплело.

- Манзар-ханум, поверьте, я так не думаю. Я не считаю вашу диссертацию абсолютно безнадежной, и, хотя в ней много недостатков, ее вполне можно доработать. Мне, правда, непонятно, для чего вы так спешите ее защитить...

- Я не спешу, профессор, просто институт включил меня в план, - прошептала Манзар.

Я расхохотался.

- Ах, так вот в чем дело! Очевидно, кому-то не хватает одной "галочки" для победоносного рапорта!

Манзар улыбнулась было, но тут же лицо ее вновь стало серьезным.

- Профессор... Я буду работать день и ночь... Месяц, год, десять лет, если потребуется! Теперь мне ясно, в чем заключаются недостатки и промахи моей диссертации... Вы так внимательно ее прочли, что я просто не знаю, как вас благодарить.

- Ничего... Можете не благодарить,- сказал я, вновь обретая душевное равновесие и ворчливый тон, - только не надо спешить с рапортом, Манзар-ханум!

Ко всему выше написанному я могу добавить только одно: через год Манзар Гасанова успешно защитила свою диссертацию, и ректор с сияющим лицом поставил против ее фамилии изумительно красивую "галочку".

1963

“Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti”. YYSİB-nin kulturoloji layihəsi

Azərbaycan Respublikası Gənclər Fondunun qrant müsabiqəsi çərçivəsində maliyyələşdirdiyi, Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi oktyabırın ortalarından “Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" adlı növbəti maraqlı kulturoloji layhəsini həyata keçirilir.

Layihə gənclərin vətənpərvərlik tərbiyəsi işinin gücləndirilməsi, Azərbaycan dilinin, tarixinin, mədəniyyət və incəsənətinin təbliğinə xidmət edən intellektual oyunların, müsabiqələrin, olimpiadaların,

festivalların keçirilməsi və animasiya və bədii filmlərin (sosial çarxların) hazırlanması mövzusundadır. Layihə görkəmli yazıçı, dəyərli alim və pedaqoq Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri vasitəsilə dünyanın müxtəlif ölkələrinə səpələnmiş 55 milyonluq azərbaycanlılar, xüsusən uşaq, yeniyetmə və gənc soydaşlarımız - kreati-intellektual düşüncə sahibləri arasında tarixi vətənləri olan Azərbaycana sevgi və sayğını artırmaq məqsədilə innovativ-vətənpərvərlik aksiyaları özündə cəmləyir. İnternet resurslarından - sosial şəbəkələr, yeni media orqanları, videopaylaşım platformalarının imkanlarından yararlanaraq, elektron-virtual formada Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri ilə motivasiya formasında yeni nəsil arasında vətənpərvərlik tərbiyəsi işi gücləndirilməsinə yönəldilir. Bunun üçün respublikamızın bir sıra yerlərində, eləcə də xaricdə yaşayan diasporumuzun görkəmli simaları, gənc bloqqerlər, şəbəkə istifadəçiləri, tanınmışlar və sadə oxucular tərəfindən əsərin audio-vizual formatda, oxucular tərəfindən səsləndirməklə, video çəkiliş aparmağı, film formasında hazırlanması və İnternetdə yayımının təşkili, kitabın bir sıra dillərdə tərcümə variantının elektron formada şəbəkə resursları və e-kitabxanaya hazırlanması, həmçinin, yayımı, o əsər haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-almanax hazırlayıb e-kitabxanada yerləşdimək, müəllifin aforizmlərindən ibarət kitabın çapı, yayımı, təqdimatı, sosial şəbəkələrdə təbliğatı nəzərdə tutulur. Kitabdan parçalar oxuyanlarda Azərbaycançılıq, vətənpərvərlik,

milli-mənəvi dəyərlərimizə maraq artacaq.

Görkəmli yazıçı, dəyərli alim və pedaqoq Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərinin elektron variantda hazırlanaraq gənclərə çatdırılması, həm də yeni media və sosial şəbəkələrdə layihəyə İKT dəstəyi verilməsi üçün kreativ innovasiyalar yaratmaq.

Əsas məqsəd Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindəki vətənpərvərlik intonasiyanı gənclərimizi innovativ-kreativ birləşdirən bütöv milli-mənəvi kitab kimi motivasiya formasında təbliğ etməkdir. Gənclərin yeni İKT texnologiyaları, Feysbuk, Youtube, İnstagram, Tvviter, TikTok, həmçinin, Vatsap kimi plotformalarından yararlandığını nəzərə alaraq bu əsərin səsli və görüntülü formasını (audio-video format), eləcə də elektron variantda yayıma hazırlamaqla İnteretdə trend yaratmaq mümkündür.

Layihə icraçıları aşağıdakı vəzifələri qarşılarına məqsəd kimi qoyublar:

Azərbaycan ədəbiyyatını vətənpərvərlik nümunəsi olaraq gənclərə sevdirmək.

Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindəki vətənpərvərlik ruhunu yeni formalarla 55 milyonluq diasporumuzun yeni nəsil nümayəndələrinə çatırmaq.

İnternetdə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindən vətənpərvərlik trendi kimi istifadə edərək motivasiya kim yeni nəsilə aşılamaq. Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərini müxtəlif

şəxslər tərəfindən səsli - audio kitab formasında hazırlamaq və bu yönə gəncləri həvəsləndirmək.

Müxtəlif insanlar tərəfindən Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərinin parça-parça mütaliəsini təşkil etməklə vizual kitab - video film formasında hazırlamaq və bu yönə gənclərin imkanlarından bəhrələnmək.

Yazıçı-alimin "Bir gəncin manifesti" əsəri haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-almanax hazırlayıb e-kitabxanada yerləşdimək, yaymaq.

Ədibin həyat və yaradıcılığı, "Bir gəncin manifesti" əsərinin gənclərin vətənpərvərlik ruhda böyüməsindəki rolu haqqında tədbir təşkil etmək. Müəllifin aforizmlərindən ibarət kitabçanın çapı, yayımı, təqdimatı, sosial şəbəkələrdə təbliğatı nəzərdə tutulur.

Layihənin fəaliyyət mərhələləri:

1. Azərbaycan ədəbiyyatını vətənpərvərlik nümunəsi olaraq gənclərə sevdirmək məqsədilə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərin vətənpərvərlik ruhunu yeni formatlarda 55 milyonluq dünya azərbaycanlılarına, xüsusən də yeni nəsil nümayəndələrinə çatırmaq üçün aşağıdakı formalarda nəşrə / yayıma hazırlamaq:
- Səsli - audio kitab formasında: "Bir gəncin manifesti" əsərin maraqlı hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası hazırlamaq və geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırmaq.

- Görüntülü - vizual kitab formasında: "Bir gəncin manifesti" əsərinin maraqlı hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası videoya almaq, yayıma hazırlamaq, İnternetdə və sosial şəbəkələrdə, videopaylaşım portallarında yerləşdirmək, Ümumazərbaycan milli-mənəvi dəyər kimi dünyada yaşayan 55 milyonluq soydaşlarımıza, geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırmaq.
2. Elektron kitab: imkan daxilində müxtəlif dillərdə "Bir gəncin manifesti" əsərinin elektron formatda hazırlamaq, e-kitabxanalarda, İnternet resurslarında yerləşdirməklə Mir Cəlal Paşayev yaradıcılığını və Azərbaycan ədəbiyyatını populyarlaşdırmaq.
3. Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-almanax hazırlayıb e-kitabxanada yerləşdimək, yaymaq, sosial şəbəkələrdə təbliğatı.
5. İnternetdə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindən vətənpərvərlik trendi kimi tanıtmaqla bu istiqamətdə motivasiya məhsulu kim yeni nəslə aşılamaq, bu yöndə gəncləri həvəsləndirmək.
6. Sosial şəbəkələrdə - İnternetdə yeni mütaliə və virtual-kreativ aksiyaya başlanılacaq, müxtəlif gənc insanlar tərəfindən Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri parça-parça mütaliəsini təşkil etməklə vizual kitab - videofilm formasında hazırlan məhsul vasitəsilə sosial şəbəkələrdə vətənpərvərlik hərəkatı kimi gənclərin imkanları səfərbər ediləcək.
7. Mir Cəlal Paşayevin həyat və yaradıcılığı, "Bir gəncin manifesti" əsərinin gənclərin vətənpərvərlik

ruhda böyüməsindəki rolu haqqında real/virtual tədbir həyata keçirmək.
8. İnternet, Feysbuk, Tvviter və Youtube və b. şəbəkələrdə bu istiqamətdə fəaliyyətlərin dəstəklənmək, ayrıca sosial şəbəkə resursunun yaradılması, gənclərin, yeniyetmələrin, məktəblilərin intellektual səviyyəsini yüksəltmək üçün fəaliyyətlərin qurulması.

Layihənin yetərincə təbiği və ictimaiyyətə çatdırılması işi düzgün işlənmiş media-plan vasitəsilə gerçəkləşdiriləcəkdir. Virtual aksiyaların təşkili, İnternet, Feysbuk, Tvviter və Youtube və b. şəbəkələrdə bu istiqamətdə fəaliyyətlərin dəstəklənmək, ayrıca sosial şəbəkə resursunun yaradılması, gənclərin, yeniyetmələrin, məktəblilərin intellektual səviyyəsini yüksəltmək üçün fəaliyyətlərin qurulmasına xüsusi diqqət ayrılacaqdır. Fəaliyyətlər zamanı layihənin təqdimatına və təbliğinə xüsusi önəm veriləcəkdir: istər ölkə daxilində, istərsə də dünyada əngəlli gənclərin kreativ-kulturoloji potensialının, ədəbi resurslarının geniş yayılmasına səbəb olacaq. Televiziyada və mətbuatda («525-ci qəzet», “Təzadlar”, “Bakı-xəbər” kimi ölkənin nüfuzlu mətbu orqanlarında, Space TV, “Dünya” TV, İNK TV kimi televiziya kanallarında və digər KİV-də, İnternet saytlarında), müxtəlif sosial şəbəkə və foto-videoideo paylaşım platformalarında layihə, virtual mərkəz, e-kitab və rəqəmsal nəşrlər, elektron kitabxanadakı ayrıca bölüm haqqında rəylər, fikirlər, məqalələr çap

olunacaq, müzakirə xarakterli reportaj və süjetlər hazırlanacaqdır.

Layihənin nəticələri:

1. Vətənpərvərlik nümunəsi olaraq Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri fərqli, İKT texnologiyalarına uyğun olaraq yeni formatlarda 55 milyonluq dünya azərbaycanlılarına, xüsusən də yeni nəsil nümayəndələrinə, gənclərə çatırmaq üçün aşağıdakı formalarda nəşri və yayımı təşkil olunacaq.

2. "Bir gəncin manifesti" əsərinin bəzi hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası hazırlamaq və geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırmaq üçün yeni səsli - audio kitab hazırlanacaq.

3. "Bir gəncin manifesti" əsərinin maraqlı hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası videoya alınacaq, yayıma hazırlanaraq İnternetdə və sosial şəbəkələrdə, videopaylaşım portallarında yerləşdiriləcək, ümumazərbaycan milli-mənəvi dəyər kimi dünyada yaşayan 55 milyonluq soydaşlarımıza, geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırılacaq görüntülü - vizual kitab, bədii-sənədli videofilm hazırlanacaq.

4. Müxtəlif dillərdə "Bir gəncin manifesti" əsərinin elektron kitab formasında hazırlanacaq, e-kitabxanalarda, İnternet resurslarında yerləşdiriləcək, Mir Cəlal Paşayevin yaradıcılığı və Azərbaycan ədəbiyyatı gənclər arasında populyarlaşdırılacaq.

5. Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-almanax hazırlanacaq, e-kitabxanada yerləşdirilərək, gənclərin azad istifadəsi üçün yayılacaq.

6. Müəllifin aforizmlərindən ibarət cib kitabı formasında toplunun çap ediləcək, gənclərə, tələbələrə paylanacaq, e-variantı İnternetdə və e-kitabxanada sərbəst yayım üçün yerləşdiriləcək, geniş ictimaiyyət üçün təqdimatı, sosial şəbəkələrdə güclü təbliğatı aparılacaq.

8. İnternetdə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindən vətənpərvərlik trendi kimi tanıtmaq və bu istiqamətdə motivasiya modeli kimi yeni nəslə aşılanacaq, bu yöndə gəncləri həvəsləndiriləcək.

9. Sosial şəbəkələrdə - İnternetdə yeni mütalifə və virtual-kreativ aksiyaya başlanılacaq, müxtəlif gənc insanlar tərəfindən Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri parça-parça mütaliəsini təşkil etməklə vizual kitab - videofilm formasında hazırlan məhsul vasitəsilə sosial şəbəkələrdə vətənpərvərlik hərəkatı kimi gənclərin imkanları səfərbər ediləcək.

10. Mir Cəlal Paşayevin həyat və yaradıcılığı, "Bir gəncin manifesti" əsərinin gənclərin vətənpərvərlik ruhda böyüməsindəki rolu haqqında real tədbir təşkil olunacaq.

11. İnternet, Feysbuk, Tvviter və Youtube və b. şəbəkələrdə bu istiqamətdə fəaliyyətlərin dəstəklənmək, ayrıca sosial şəbəkə resursunun yaradılması, gənclərin, yeniyetmələrin, məktəblilərin

intellektual səviyyəsini yüksəltmək üçün fəaliyyətlər qurulacaq.

Layihənin qiymətləndirilməsi:

Müvafiq qanunvericilik aktları, qanunlar, normativ sənədlər, eyni zamanda Azərbaycan Gənclər Fondunun tələblərinə uyğun olaraq qiymətləndirmə indikatorları müəyyənləşdiriləcək və ona uyğun olaraq qiymətləndirmə aparılacaq. Xüsusən də aşağıdakı cəhətlərə əhəmiyyət veriləcək:

- tərəfdaş və əlavə donorlar haqqında məlumat;
- layihə çərçivəsində fəaliyyət haqqında Fondun əvvəlcədən məlumatlandırılması;
-layihə çərçivəsində fəaliyyət zamanı Fondun adının və loqosunun nümayiş olunması;
- layihə sənədlərinin uyğun strukturu; layihə üzrə əmrlər;
- layihədə çalışan işçilərin sayı, işçilərlə bağlanmış əmək, mülki-hüquqi xarakterli və könüllü müqavilə;
- layihənin iştirakçılarının sayı;
- layihə çərçivəsində tədbirə dəvət olunmuş şəxslərin sayı və tərkibi;
- layihə ilə bağlı ictimaiyyətin məlumatlandırılması;

- layihə çərçivəsindətanıtım materialları, gündəlik və proqramlar;

- nəşr – paylama materiallarının (e-kitab, vizual məhsullar, sosial media və İnternet TV proqramları və s.) iştirakçılara verilməsi;

-layihə çərçivəsində xidmətlər; layihə fəaliyyətinin icra planına uyğunluğu, işlərin yerinə yetirilib-yetirilməməsinin müəyyən edilməsi;

- tədbir zamanı qoyulan mövzunun layihə mövzusuna uyğunluğu;

- layihə çərçivəsində iştirakçılarla qiymətləndirmə işinin aparılması.

- mütəxəssislər tərəfindən bu layihənin həm peşəkar dairələri, həm geniş ictimaiyyət tərəfdən müzakirəsi, mətbuatda işıqlandırılmasına şərait yaradılacaq;

- layihənin iştirakçılarının sayı;

- layihə çərçivəsində tədbirə dəvət olunmuş şəxslərin sayı və tərkibi;

- layihə ilə bağlı ictimaiyyətin məlumatlandırılması;

- layihə çərçivəsindətanıtım materialları, gündəlik və proqramlar;

- nəşr – paylama materiallarının (e-kitab, vizual məhsullar, sosial media və İnternet TV proqramları və s.) iştirakçılara verilməsi;

-layihə çərçivəsində xidmətlər; layihə fəaliyyətinin icra planına uyğunluğu, işlərin yerinə yetirilib-yetirilməməsinin müəyyən edilməsi;

- tədbir zamanı qoyulan mövzunun layihə mövzusuna uyğunluğu;

- layihə çərçivəsində iştirakçılarla qiymətləndirmə işinin aparılması.

Layihənin davamlılığının təmin edilməsi istiqamətində nəzərdə tutulan fəaliyyətlər:

Layihə uğurla yekunlaşdırılandan sonra da fəaliyyətlər davam etdirilərək aşağıdakı istiqamətdə işlər həyata keçiriləcək:

- Davamlı olaraq o istiqamətdə İnternetüstü fəaliyyətlər daha da genişləndiriləcək və ardıcıl işlər görüləcək;

- Yaradılacaq sosial şəbəkə resurslarında yenə də bu mövzuda müxtəlif materiallar paylaşılacaq;

- İnternetdə, elektron kitabxanada, sosial mediada yeni formatlarda, vətənpərvərlik mövzusunda elektron kitablar, rəqəmsal nəşrlər, eləcə də yeni kreativ materiallar sosial şəbəkələrdə onlayn-oflayn yayımlanacaq, daimi fəaliyyət göstərəcəkdir;

- Elektron kitablardan ibarət virtual sərgi ardıcıl təşkil olunacaqdır.

- Mütəxəssislər tərəfindən bu layihənin həm peşəkar dairələri, həm geniş ictimaiyyət tərəfdən müzakirəsi, mətbuatda işıqlandırılmasına şərait yaradılacaq;

- Gələcəkdə Mircəlalşünaslıq və vətənpərvərlik ədəbiyyatının müxtəlif qollarına aid sahə elektron

kitabxanaları, eləcə də şəbəkə nəşrlərini özündə birləşdirəcək resurslar yaradılacaq;

- Milli Virtual-Elektron Kitabxana daha da genişləndiriləcək, eyni zamanda ölkəmizin daxilində və xaricdəki anoloji İnternet kitabxanaların şəbəkəsinə qoşulması, qarşılıqlı-faydalı əməkdaşlığa xüsusi əhəmiyyət veriləcəkdir;

- Layihənin növbəti mərhələsi hazırlanaraq donor təşkilatlara təqdim olunacaq və s.

Xatırlatmaq yerinə düşər ki, YYSİB milli və dünya mədəniyyəti, elm və ədəbiyyati hadisələrinin təbliği, real, eyni zamanda məsafəli - elektron təlim və kursların təşkili, Azərbaycan intellektual sərvətlərini, ədəbiyyatını, mədəniyyətini inkişaf etdirmək, zənginləşdirmək, xaricdə tanıtmaq, İnternet resursları, elektron kitabxana istiqamətində yeni nəsil yaradıcı insanları səfərbər etmək və s. sahələrdə fəaliyyətini qurub.

Təşkilat 22 ildir respublika əhəmiyyətli və beynəlxalq səviyyəli mədəniyyət, elm, ədəbiyyat, sənət, kitab nəşri və təbliği, qəzetçilik, yeni mass-media, bloqqerlik, e-kitabxana və İnternet resurslarının zənginləşdirilməsi kimi sahələrldə fəaliyyəti ilə məşğul olur. 13 dəfə Bakı Kitab Bayramı – illik Milli Kulturoloji layihə həyata keçirib, 12 kitab nəşr etmiş, çoxsaylı mətbuat-ədəbiyyat layihələri həyata keçirmişdir. Hazırda İnternetdə və ictimai düşüncədə “Virtual Azərbaycan” layihəsini gerçəkləşdirir. Qurumun dəyərli layihəsi əsasında www.kitabxana.net

ünvanlı Milli Virtual-Elektron Kitabxana - İnternet portalı yaradılıb və fəaliyyət göstərir. İnternetdə və sosial şəbəkələrdə 20-yə yaxın resursları fəaliyyət göstərir. İndiyəcən bir neçə virtual e-kurs yaradıb və 3000-dən artıq elektron kitabı hazırlayaraq İnternet istifadəçilərinin azad istifadəsinə təqdim edilib. Təşkilatın fəaliyyəti milli, eləcə də dünya mədəniyyətini və ədəbiyyatını həm ölkə daxilində, həm də xaricdə təbliğ etmək, yeni nəsil yaradıcı insanların əqli-intellektual, sosial və müəlliflik hüquqlarının qorunması istiqamətində fəaliyyət göstərmək, sənət adamlarının yaradıcılığını cəmiyyətə tanıtmaq, çağdaş mədəniyyəti və ədəbiyyatı inkişaf etdirməklə milli kulturoloji-intellektual düşüncənin zənginləşməsinə yardımçı olmaq, mədəniyyətlərarası dialoqu, sivilizasiyaların inteqrasiyanı gücləndirməklə qloballaşan dünyada Azərbaycanın inkişafına, estetik-bədii irsini yüksək səviyyəyə çatdırmaqdır. QHT fəaliyyət istiqamətlərinə uyğun olaraq ədəbi-mədəni, kulturoloji hadisələr gerçəkləşdirir, hüquqi-mədəni maariçilik, gənc yaradcı insanlarin ictimai maraqlarını ifadə edir, mədəniyyətlə, ədəbiyyat, İnternet, sosial şəbəkələr, virtual resurslar, elektron kitabxanalar, kreativ innovasiyalarla bağlı kulturoloji layihələri hazırlayır və uğurla həyata keçirir, qarşısına qoyduğu məqsədlərə çatmağa çalışır.

www.kitabxana.net

Milli Virtual-Elektron Kitabxananın təqdimatında

“Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti” adlı kulturoloji layihəs kulturoloji layihə. Elektron Kitablar…

Bu elektron kitablar Azərbaycan Respublikasının Gənclər Fondunun maliyyə dəstəyi ilə (2020-ci il maliyyə yardımı müsabiqəsi), Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi tərəfindən həyata keçirilən, www.kitabxana.net - Milli Virtual-Elektron Kitabxananın “Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti” adlı kulturoloji layihəs çərçivəsində nəşrə hazırlanıb və yayılır.

Kreativ-bədii layihənin bu hissəsini maliyyələşdirən qurumlar:

Azərbaycan Respublikasının Gənclər Fondu

http://youthfoundation.az

Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi:

www.yysq.kitabxana.net

Bu silsilədən olan digər digər e-kitablarını buradan oxuyun:
http://kitabxana.net/?oper=e_kitabxana&cat=192

“Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti” adlı kulturoloji layihə çərçivəsində hazırlanan Feysbukda səhifəmizi və virtual kursu buradan izləyin:

https://www.facebook.com/YeniYazarlar

Aydın Xan Əbilov,

Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyinin sədri,

Prezident təqaüdçüsü, yazıçı-kulturoloq

СОДЕРЖАНИЕ

Когда творчество сливается с наукой.
Предисловие А. Гаджиева

Лирические миниатюры

Сирота
Чудо
Руки
Верховный судья
Новоселье
Объективная причина
Сказка
Надпись на сердце
Ложь во спасение души

Перевод В. Василевского

Застенчивый Фаик

Перевод Эльхана Ибрагимова

Соседи

Перевод С. Соложенкиной

С воза упало - пропало
Перевод В. Василевского

Аллах, он знает
Перевод В. Василевского

Казначей
Перевод Эльхана Ибрагимова

Страшная месть
Перевод Эльхана Ибрагимова

История "галочки"

Перевод С. Соложенкиной

“Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti”.
YYSİB-nin kulturoloji layihəsi.

Aydın Xan Əbilov